

Иван Александрович Гончаров

Иван Савич Поджабрин

**Гончаров Иван
Александрович
Иван Савич Поджабрин**

И. А. Гончаров
ИВАН САВИЧ ПОДЖАБРИН

Очерки

Иван Савич сидел после обеда в вольтеровских креслах и курил сигару. Ему, по-видимому, было очень скучно. Он не знал, что делать. Для препровождения времени он то подожмет ноги под себя, то вытянет их во всю длину по ковру, то зевнет, то потянется, или стряхнет в чашку кофе пепел с сигары и слушает, как он зашипит; словом, он не знал, что делать со скуки. Ехать в театр еще рано, в гостях он быть не любил. В передней храпел слуга, у ног спала собака. Всё сердило Ивана Савича, и эта досада простиралась и на лакея и на собаку. Иван Савич уже попотчевал двумя пинками Диану, которая сунулась было лизать ему руку. Она, свернувшись, легла на ковер и чуть-чуть дрожала, только по временам открывала один глаз и искоса поглядывала на своего господина.

- Авдей! - закричал он.

- Че-о изволит... - впросонках пробормотал тот.

- Не храпи! Эк ты храпишь: за две комнаты

слышно. Храпенье прекратилось; место его заступила продолжительная, энергическая зевота с прибавочными звуками: ге! ге! ге!

- Не зевай или зевай как следует, про себя! - закричал Иван Савич.

Воцарилось молчание, но ненадолго. Поднялся сухой, продолжительный кашель. Приятель мой пожал плечами.

- Вот, кашлять стал! Не можешь посидеть смирно? А отчего кашель? оттого, что всё по сеням да по двору таскаешься в одном жилете. Говорил тебе: нет, не слушаешься. Ну смотри у меня и спи на дворе, а здесь я кашлять тебе не позволю.

После этого увещания оба замолчали, и Иван Савич опять принялся за свои занятия: за вытягивание и поджимание ног, за стряхивание пепла и проч.

Вдруг в зале послышались шаги Авдея. Он явился в кабинет и стал у дверей. То был низенький, плешивый, пожилой человек. Волосы у него на затылке были с проседью.

- Что тебе надо? - спросил Иван Савич.

- Я забыл вам сказать: дворник давеча говорил, что на вас хотят жаловаться...

- Кто? кому? - с испугом спросил Иван Савич.

- Хозяину жильцы.

- Жильцы? хозяину? - Да-с: слышь, женскому полу проходу не даем...

- Цс! что ты, дурак, орешь!

- Да-с. Вон этот чиновник, что против нас живет, - продолжал Авдей, очень недоволен. Дворник говорит: как, говорит, твой барин со двора, так и жена эвтого чиновника на рынок-с с девкой идет. На что это, говорит, похоже? Муж-то, говорит, раз и пошел следом за вами и видел, говорит, как вы, вишь, вышли из переулка да с ней рядом и пошли, и был, говорит, очень, очень недоволен: ворчал целый день и только к вечеру утомонился, и то оттого, что выпил.

- Гм! какой варвар! - сказал Иван Савич, покачав головой, - ну?

- Еще, слышь, булочник жаловался...

- А этот на что?

- Всё, вишь, дочь его мимо наших окошек шмыгает да в кухню к нам часто заглядывает.

- В самом деле? На кого ж булочник жаловался: на меня или на дочь?

- Не могу знать.

- Так знаешь что? - сказал Иван Савич.

- Не могу знать.

- Ищи поскорей другую квартиру.

- Опять! - горестно сказал Авдей, - давно ли переменяли.

- Давно ли! что ж делать: ты сам видишь, что нам житья здесь нет: притесняют. Долго ли до беды? Ищи!

- Этакую квартиру менять! - сказал Авдей, - и сарай, и ледничек особый...

- Вот еще! зачем нам ледничек! Мы дома не стряпаем, впрок ничего не запасаем.

- Как зачем-с? неровно пригодится. Вот раз дыню на лед клали... Мало ли зачем?

- Нет, ищи! Да мне эта квартира и надоела. Я уж всех здесь знаю; все наскучили. Не с кем пожуировать жизнию.

- А Марья Михайловна?..

- Ну уж дрянь-то! Ищи!

- Побойтесь Бога, Иван Савич, - сказал Авдей, - грешно, право, грешно.

- Полно! - с досадой возразил Иван Савич. - По-твоему, не пожуируй! Сиди вот этак с тобой да с Дианкой дома: не с кем слова сказать.

Да еще пожалуются - беда выйдет, пристанут! Ищи. Да смотри, чтоб окна выходили на улицу и на двор. А если где заметишь в доме... понимаешь?.. того... так хоть на улицу и не будет окошек, нужды нет.

Ежедневный образ жизни Ивана Савича, как нынешние драмы, разделялся на три картины. Утро в должности. Это он называл серьезными занятиями, хотя иногда сидел там, ничего не делая. Обед в трактире, часто с приятелями. Тогда обедали шумно и напивались обыкновенно пьяны. Это называлось кутить и считалось делом большой важности. Вечер или в театре, или в обществе какой-нибудь соседки. Последнее значило у Ивана Савича и подобных ему жуировать жизнью. Выше и лучше этого он ничего не знал. Родители оставили ему небольшое состояние и познакомили его с порядочными людьми. Но он нашел, что знакомство с ними - сухая материя, и мало-помалу оставил их. Книг он не читал, хотя учился в каком-то учебном заведении. Но дух науки пронесся над его головой, не осенив ее крылом своим и не пробудив в нем любознательности. Каким он вступил в учеб-

ное заведение, таким и вышел, хотя, по заведенному в этом заведении похвальному обычаю, получил при выходе похвальный лист за прилежание, успехи и благонравное поведение.

На другой день Авдей доложил Ивану Савичу, что на трех воротах видел объявления и осмотрел две квартиры: обе казались хороши. Иван Савич оделся и отправился вместе с ним. Они пришли к большому четырехэтажному дому. У ворот сидел мужик в тулупе.

- Не дворник ли ты? - спросил его Иван Савич ласково.

Мужик зевнул и молча стал смотреть в другую сторону.

- Где здесь дворник? - спросил Авдей.

- Мужик молчал.

- Дома дворник? - спросил опять Иван Савич. Мужик посмотрел на них обоих и молчал.

- Да что ж ты, глух, что ли? говори!

- Я не здешний! - лениво отвечал мужик, запахивая тулуп.

- Так бы и говорил, чухна проклятая, - сказал Авдей, - а то молчит!

Они вошли на двор. Им навстречу попался еще мужик.

- Дворник? - спросил Иван Савич.

- Никак нет-с, - проворно отвечал мужик, приподняв шляпу, - вон где дворник живет. Извольте позвонить; кажись, дома. - Позвони, Авдей!

Авдей позвонил. В дворнической никто не пошевелился. Иван Савич позвонил сам сильнее: нет ответа. Авдей спустился со ступенек к засаленной двери и постучал кулаком. Молчание. И Иван Савич постучал посильнее. То же.

- А вы бы покрепче! - сказал тот же мужик, который, указав им конуру дворника, всё вертелся поодаль от них у ворот.

Иван Савич постучал очень крепко.

- А вы изо всей мочи! - сказал мужик.

- У меня уж нет больше мочи. Поди-ка ты, Авдей!

Всё безуспешно.

- Пожалуйте-ка, я, - сказал мужик и застучал так, что стекла задребезжали.

Никто не откликнулся.

- Ну, видно, дома нет, - говорил мужик. -

Я думал, не заснул ли он. Лют спать-то: нескоро добудисься. Нет ли разве на другом дворе?

Барин и слуга отправились на другой двор; за ними в качестве наблюдателя поплелся и мужик. Там бродили два гуся да пяток кур. В одном углу баба мыла кадку, в другом кучер рубил дрова.

- Не знаешь ли, тетка, - спросил Авдей, - где дворник? Нет ли его здесь?

- Нет, батюшка, не видать. Он должен быть на том дворе.

Они пошли опять на первый двор и прошли было уж ворота.

- Кого вам, господа, - закричал кучер, - дворника, что ли, надо?

И с этими словами вонзил топор в бревно, обернул его, поднял над головой и хлопнул оземь. Бревно разлетелось надвое; одна половинка ударила по коленке Авдея.

- Вишь тебя, леший... - сказал Авдей, прыгнув.

Кучер опустил топор к полу.

- Да, да, любезный, дворника. Где он? - спросил Иван Савич.

- Да, где он? - примолвил, почесывая колен-

ку, Авдей.

Кучер поглядел на них, потом поплевал на ладони, взял топор и опять занес его над головой.

- Не знаю, не видал! - отвечал он, тряхнув головой, и вонзил топор в другое бревно.

- Зачем же ты ворочаешь по-пустому? - сказал Авдей. - Этакой народец!

И пошли прочь. Они уже решились идти на другую квартиру. Между тем Иван Савич глазел на окна всех этажей, и вдруг глаза его заблестали: в окне третьего этажа мелькнуло белое платье, потом показалось и тотчас спряталось кругленькое женское личико, осененное длинными черными локонами. Из-за него выглянуло другое, старое и некрасивое, женское лицо.

- Ну вот: тебя очень нужно! - проворчал Иван Савич, относя это ко второму явлению.

Когда они проходили мимо дворнической, из глубины ее, как из могилы, выдвинулась сонная фигура самого дворника, в рубашке, с самоваром в руках.

- Ты дворник? - спросил Авдей.

- Я-с. Что вашей милости угодно?

- Что! где ты прячешься! барин спрашивает тебя.

- Какой барин? - говорил дворник, поглядывая с любопытством на Ивана Савича.

- Мы тебя целый час ищем, - сказал Иван Савич.

- А вы бы позвонили.

- Мы даже трезвонили; руки отколотили, стуча в дверь.

- Не слышал. Признаться, соснул маненько, - сказал дворник.

- Так не мы тебя разбудили? - спросил Иван Савич.

- Нет-с, я сам проснулся: диво, как я не слышал. Мне только чуть дотронься до скобки, я и услышу.

- В третьем этаже здесь отдаются три комнаты и кухня? - спросил Иван Савич. - Покажи-ка нам.

- Сейчас-с. Вот ключи только возьму. Пожалуйста-с.

Он поставил самовар на землю и повел было их на лестницу, но вдруг заметил того мужика, который помогал Ивану Савичу и Авдею стучать в дверь, и воротился. И они воро-

тились.

- А! ты здесь! - начал он кричать. - Зачем пожаловал? Послушай! толком тебе говорю: убирайся и не показывайся сюда, а не то, брат, худо будет. Хозяин велел тебя взащей вытолкать. Слыхал ты это?

Мужик спрятался за ворота.

- То-то же; будешь у меня прятаться, - при-
молвил дворник. Пожалуйста-с!

Они пошли на лестницу. Дошедши до пер-
вого этажа, дворник бросился к окну в сенях
посмотреть, ушел ли мужик. Но он оказался
опять на дворе.

- Аль тебе мало слов? - кричал дворник,
грозя из окна ключами, - ну так я кликну го-
родового: он с тобой разделается; уходи, гово-
рят, уходи, покуда цел. Пожалуйста-с.

И Иван Савич с Авдеем смотрели в окно и
видели, как мужик опять спрятался. Пошли
выше.

- А ведь, чай, не ушел, проклятый, - сказал
дворник, всходя на площадку второго этажа. -
Хоть побиться!

Наконец пришли в третий этаж к дверям.
Дворник прежде всего подошел к окну.

- Не видать! - говорил он сам с собой. - По-ди, чай, врет: не ушел! Этакая должность про-клятая! Усмотри за ними! Пожалуйте-с.

Он стал отпирать двери. В это самое время из дверей противоположной квартиры выгля-нула та же самая хорошенькая головка, что смотрела из окна, и тотчас спряталась.

- Я думаю, я найму эту квартиру, - сказал Иван Савич и толкнул локтем Авдея.

Авдей отворотился.

- А? как ты думаешь, Авдей?

- Что вы, сударь, торопитесь, - отвечал он. - Может, еще не хороша.

- Как понравится, - примолвил дворник.

- Прехорошенькая, - заметил Иван Савич.

- Да ведь вы еще не видали ее; а может быть, она и холодна, - сказал Авдей.

- Холодна! как можно, холодна! - ворчал Иван Савич.

- Будьте покойны, - говорил дворник, мах-нув ключом и потряхнув головой, - такая жара, словно в печке: одни жильцы даже съехали оттого, что больно тепло.

- Как так?

- Четыре печки, сами посудите. В кухне

русская, да и солнышко греет прямо в окошки. Жили иностранцы какие-то, и не понравилось; а нам, русским, пар костей не ломит. Довольны будете.

- Видишь, Авдей, кроме передней какая у тебя еще славная комната! сказал Иван Савич.

- Что мне видеть-то! - проворчал Авдей, взяв картуз из одной руки в другую.

- Экой дурак! а ты отвечай по-человечески! - сердито заметил Иван Савич.

- Я и то по-человечески говорю; вестимо, человек: по-барски не умею, сострил Авдей.

Квартира оказалась годною. Зала окнами выходила в переулок, а кабинет и спальня на двор. Всё, как хотелось Ивану Савичу.

- А что это за пятно на потолке, как будто мокрое? - спросил Авдей.

- Да, в самом деле, что это за пятно, и еще в спальне? - спросил и Иван Савич. - Кажется, течет сверху?

- Точно так-с, - отвечал дворник, наклонив немного голову в знак согласия, - протекает маленько. Ино бывает наверху ушат с водой прольют, оно и каплет в щель.

Иван Савич покачал головой.

- Не извольте сумлеваться, - поспешил при-
молвить дворник, - будете довольны. А это
пятно - так ничего! не смотрите на него - оно
дрянь!

- Вижу, что дрянь. Но ведь этак, любезный,
пожалуй, штукатурка отвалится да на нос
упадет.

- И, нет-с, щекатурка крепка, не отмокнет:
другой год каплет. Вы только, как станет ка-
пать, ведро извольте подставить.

- А как не доглядишь, - сказал он, - да во-
да-то твоя на мебель или на платье потечет?

- Нет-с, услышите: ведь оно закаплет, слов-
но дождь пойдет: так и забарабанит.

"Дождь в комнате! - думал Иван Савич, -
лишнее совершенно лишнее!"

- Зачем же не замажут? - спросил он.

- Все тоже спрашивают, - отвечал двор-
ник, - я сказывал хозяину, да он говорит, что
уж он замазывал в ту пору еще, когда вот эти
жильцы нанимали, что съехали. "Неужто, -
говорит, - для каждого жильца стану замазы-
вать!" да еще ругнул меня.

Иван Савич задумался было, но вспомнил

о соседке и махнул рукой.

- Что ж! ванны не нужно, - прибавил он, обращаясь к Авдею. - Стал под это пятно да попросил там вверху пролить ушат с водой, вот тебе и душ.

Он дал задаток.

- Позвольте, сударь, позвольте! - сказал торопливо Авдей и вырвал у дворника ассигнацию, - надо всё с толком делать: а есть ли сарай для дров?

- Есть: сажень на пять.

- Ну а ледничек особый?

- Ледника нет. Да на что вам ледник? У вас ведь нет хозяйства; али барин женат?

- Нет, мы холостые. Да как не нужно ледника? Случится поставить что...

- Да что вам ставить?

- Как что? дыню иной раз...

- Ты всё вздор говоришь, Авдей; отдай задаток! - сказал Иван Савич.

- Вздор! - повторил тихонько Авдей. - Сам вздор делает: дрова, вишь, у него вздор и ледник вздор, а глазеть куда не надо - не вздор!

- Можно на хозяйский ледник поставить, коли что понадобится, - сказал дворник.

Авдей отдал задаток назад.

Пока слуга торговался, Иван Савич отворил ногой дверь из передней в сени и поглядывал в лорнет в полуотворенную дверь противоположной квартиры. Оттуда изредка выглядывали попеременно то молодое, то старое женское лицо.

- Ах, как мила! - бормотал Иван Савич, отворяя побольше дверь. Черные глазки, свеженькая: можно пожуировать. Экое чучело! - говорил он потом, вдруг захлопывая дверь. - Какая беленькая шейка! О, да она много обещает! Никогда не видывал гаже хари! Что это она так часто выглядывает?

Вдруг в голове у него мелькнуло сомнение насчет соседки, и он тоже схватил ассигнацию из шапки дворника. Дворник потянулся было проворно прикрыть ее рукой, но не застал уж ее в шляпе и прикрыл пустое место. Он, разиня рот, смотрел, куда спрячет Иван Савич деньги. Но тот держал их в руке. Они вышли в сени.

- Кто тут живет напротив? - спросил Иван Савич.

- Тут-с... мужние жены, - отвечал дворник.

У Ивана Савича отлегло от сердца.

- Ну вот, слава Богу, что порядочное соседство: честные женщины, а то ведь иногда... попадешь так, что и жить нельзя!

И он бросил ассигнацию опять в шапку. Дворник сжал ее в кулак с ключом, а шапку надел.

- А тут кто?

- Тут-с барышня, дочь умершего чиновника.

- Слышишь, Авдей, барышня.

- Что мне слышать-то! - сказал Авдей.

- А вон там повыше кто? - спросил Иван Савич.

- Это-то?

- Да.

- Женатый чиновник.

- А внизу?

- Чиновник вдовец.

Иван Савич стал морщиться.

- А с другой стороны? - спросил он.

- Чиновник-с.

- Что за черт! А там? - говорил Иван Савич, указывая на самый верх, и, не дожидаясь ответа, сам кивнул головой, как будто догадыва-

ьясь кто. И дворник кивнул.

- Тоже?

- Тоже.

- Хм! - с досадой сделал Иван Савич. - Женатый?

- Никак нет-с... у него экономка, Фекла Ондревна, всем распоряжается. Хорошая женщина, такая набожная: ни обедни, ни заутрени не пропустит. А про вашу милость, коли спросит хозяин, как прикажете доложить? Кто вы?

- Кто я? - с важностью произнес Иван Савич, подступая к дворнику.

Дворник попятился и снял шапку.

- Кто я? - повторил Иван Савич. - Я холостой... чиновник!

Дворник надел шапку, потрянул головой и только что не сказал:

"Что за чудо! напугал понапрасну. Нам они не в диковинку".

Он запер дверь и тотчас посмотрел в окно из сеней.

- Нет, нету! - сказал он сам себе, - уж не пробрался ли на другой двор? чего доброго от такого анафемского мужика ждать: он, по-

жалуй, и на другой двор пойдет, да даром: пусть пойдет, Фомка-то без сапог сидит.

Иван Савич с Авдеем стали сходить с лестницы. Им встретилась баба с корытом. Они слышали, как она остановилась с дворником.

- Здравствуйте, Савелий Микитич! - сказала она.

- Наше вам, Степанида Игнатьевна!

- Что это, никак вам Бог жильцов дает?

- Да, наняли.

- Кто такие?

- Вестимо, кто: чиновники. Я рад-радехонек. Теперь по этой черной лестнице у нас все чиновники живут. А то уж как я боялся, чтоб не нанял какой мастеровой.

Дня через два на новую квартиру явился Авдей... За ним въехали на двор три воза с мебелью и другими домашними принадлежностями. Получше мебель и разные мелкие вещи несли солдаты на руках. Сам Авдей нагружен был мелочами, как верблюд. Одной рукой он обнял настенные часы; гири болтались и били его по животу. Между пальцами торчал маятник. В другой руке была лампа. Сзади из карманов сюртука выглядывали два бронзо-

вые подсвечника. В зубах он держал кисет с табаком.

- Пстой, пстой! эк ты ломишь! - кричал он направо и налево. - Не ставь зеркала на грязь-то. Пгоди носить: надо посмотреть, пройдет ли. Где дворник? да что ж он не оттирает? Господи воля Твоя! это суцая каторга. Нет, чтоб самому хоть немножко присмотреть.

- Да где барин-то твой? - спросил подошедший в это время дворник.

- Где! черт его знает, прости Господи, где! Любит на готовое приехать. Переезжай, говорит, Авдей, а я ужo к вечеру буду, да и был таков. Вот ты тут и переезжай как хочешь. Того и гляди, всё мое доброе растащат; а у меня одного платья рублей на семьдесят будет.

Долго еще раздавалась по двору команда Авдея. Он, как гончая собака, раз сто взбежал и сбежал по лестнице. Там поддержит уголок дивана или шкапа, там даст полезный совет, как обернуть мебель, верхом или низом.

- Вот так, вот так, - слышалось беспрестанно, - нет, нет, повыше, повыше, еще, пониже, пониже: так, так; ну, слава Богу, прошло!

Из окон глядели любопытные. Иные не отходили от окна во всё время перевозки: часа так четыре. Всё по разным причинам. Один любит знать, какая у кого мебель, кто на чем спит, ест, - словом, любит соваться в чужие дела. Другому, видно, наскучили свои - и он зеваает по целым часам на чужое добро. Третий любит замечать какие-нибудь особенности и судить о них по человеку. Четвертый - смотреть на разные мелкие вещицы.

- Вот шкаф несут, - говорил один соседу.

- Теперь, чай, возьмут комод, - отвечал тот.

- Эх, картину-то как он взял, дурачина: того и гляди, заденет за перила! - и тут же не вытерпит и закричит из окна: - Смотри, картину-то, картину испортишь!

Экономка чиновника, Фекла Андревна, набожная женщина, оставалась у окна до тех пор, пока Авдей внес последнюю утварь - кадочку с песком, корзинку с пустыми бутылками, две сапожные щетки и кирпич. Она пересказала всё своему чиновнику.

- Новый жилец переехал, Семен Семеныч, - сказала она.

Семен Семеныч понюхал табаку, поправил

крест в петлице и молчал.

- Богатый должен быть, - начала она опять, - нанял ту квартиру, что на нашу и на парадную лестницу выходит. Зало-то окнами на улицу: восемьдесят рублей в месяц ходит.

Тот всё молчит.

- Шандалы, я думаю, одни рублей сто заплачены; а столы, стулья какие! диваны красные и зеленые, да прямижки: я на один присела, пока он стоял в коридоре, так и ушла вот до этих пор, инда испужалась.

- До каких пор? - спросил Семен Семеныч флегматически.

- Вот до сих, - она показала рукой.

- А где он служит?

- Не успела спросить у человека: вот ужо разве.

- Добро, давайте-ка обедать, - сказал Семен Семеныч, - нечего растабарывать.

И хорошенькая соседка вертелась всё на пороге. Она прыгала и резвилась, как котенок, даже поговорила с Авдеем.

- А кто твой барин? - спросила она.

- Он-с, барин, сударыня.

- Знаю, да кто?

- Не могу знать, майор ли, советник ли какой: должен быть полковник.

- Где ж он?

- Кушать где-нибудь изволит.

- А разве он не дома кушает? А богат он?

И засыпала вопросами.

- Пустите меня заглянуть к вам, пока нет барина.

- Извольте, сударыня, да ведь у нас еще не убрато. Она вбежала, всё пересмотрела, посидела на всех диванах, креслах и выпорхнула как птичка.

- Вот погоди ты, егоза! - ворчал Авдей, разбираясь на новой квартире, - ужо он тебе всё сам расскажет, усадит тебя, уймешься, перестанешь прыгать-то!

Хлопоты Авдея заключились тем, что он побранился с верхней бабой, Степанидой Игнатьевной, знакомой дворника.

- Что ты, тетка, оставила ушат на дороге? убери! - сказал он.

- Ну, погоди, убери.

- Чего годить! Вот барин приедет ужо, даст тебе.

- Боюсь я твоего барина! что он мне даст?

Эка невидаль! мы сами чиновники.

- Убери, говорят тебе, старая ведьма!

- Еще ругается! как я скажу своему хозяину, так он тебе скорее даст. Будешь помнить, как ругаться, окаянный, каторжник, чтоб тебе ни дна ни покрывки...

Она еще звонко кричала, но Авдей захлопнул дверь.

- Ух! - сказал он, отирая пот с лица, - умаялся! С утра маковой росинки во рту не было. Хоть бы закусить чего-нибудь. Боюсь в лавочку сходить: неравно приедет. Да, чай, уж и заперто - поздно. Нешто выпить?

Он отворил маленький шкаф, достал узенькую четырехугольную бутылку светло-зеленого стекла в плетенке, потом запер на крюк дверь, налил рюмку и поставил ее на стол. Он оглядывал ее со всех сторон.

- Какая бутылка! - рассуждал он, смеючись, - словно наша косушка, а ликёра прозывается! Три целковых за такую бутылочку - а? Ну, стоит ли? Вот деньги-то сорят! Как у них горло не прожжет? - ворчал он - и отхлебнул.

- Какая мерзость! - говорил он с гримасой, -

а поди ж ты!

И выпил всю рюмку.

- Право, мерзость!

Между тем Иван Савич возвращался в это время домой. Пошел дождь, один из тех петербургских дождей, которым нельзя предвидеть конца.

Иван Савич позвонил у ворот - никто не показывался. Он другой раз тоже никого. Наконец после третьего звонка слышались шаги дворника.

- Господи Боже мой! - ворчал он, идучи к воротам. - Что это такое? совсем покою нет: только заснул маленько, а тут черт какой-то и звонит... Кто тут?

- Я.

- Да кто ты?

- Новый жилец.

- Какой жилец?

- Что сегодня переехал.

- Что те надо?

- Как что: пусти поскорее, ты видишь, я под дождем.

- Ну вот погоди: я за ключом схожу.

Дворник ушел и пропал, а дождь лил как

из ведра.

Иван Савич принялся опять звонить что есть мочи. После третьего звонка послышались шаги дворника и ворчанье.

- Что это такое, Господи, покою совсем нет. Должность проклятая... не дадут заснуть! Кто тут?

- Да я же, тебе говорят!

- Да кто ты?

- Новый жилец.

- Ты еще всё тут? не ушел? что те надо?

- Как что? ах ты разбойник! пустишь ли ты меня? я до костей промок.

- Ну вот погоди: ключ возьму.

Он пошел и, к удовольствию Ивана Савича, возвратился тотчас и начал вкладывать ключ в замок.

- Ну, скорее же! - сказал Иван Савич.

- Вот постой, что-то ключ не входит. Что это, Господи, за должность за проклятая, совсем покою нет! так и есть... не тот ключ взял: это от сарая.

- Отпирай же! - кричал Иван Савич, - не то...

- Да ты бы где-нибудь заснул: вишь ты,

ключа-то долго теперь искать.

- Куда я пойду? Пусти сейчас.

- Ну вот погоди, принесу ключ.

Наконец через добрых полчаса Иван Савич попал к себе, а Авдей только что было собрался пить третью рюмку, как вдруг сильно застучали в дверь. Авдей проворно спрятал бутылку с рюмкой в шкаф, обтер наскоро губы и отпер.

Вошел Иван Савич.

- Что, Авдей, совсем убрался? э! да ты еще ничего не расставил.

- Я один, - отвечал Авдей, - у меня две руки-то.

- Оттого-то и надо было убрать, что две. Вот ежели б одна была другое дело.

Авдей, не ожидавший этой реплики, поглядел ему вслед и покачал головой.

- Ведь скажет, словно... э! ну вас совсем! - бормотал он, - отойди от зла и сотвори благо!

- А что соседка? - спросил Иван Савич.

- Не могу знать, - отвечал Авдей.

- Разве ты не видал ее, не говорил с ней?

- Нет-с. Что мне с ней говорить?

- Ну как что... А чей это платок?

Авдей молчал.

- Чей платок? - повторил Иван Савич.

- Не могу знать.

- Как не могу знать? Здесь был кто-нибудь?

- Нет, это, верно, как диван стоял в сенях, так кто-нибудь положил. Пожалуйста, я завтра спрошу.

- Вот славный случай: ты завтра спроси у соседки, не ее ли, и между тем порадей в мою пользу.

- Как-с порадей?

- Скажи, что я и добрый, и... ну будто тебе в первый раз.

- А зачем это, сударь?

- Как зачем... познакомимся, а там... пожуируем.

- Да неужели вы и здесь станете разводиться такую же материю? экой стыд! там только что ушли от беды, теперь опять захотели нажить другую! уж попадетесь, Иван Савич, ей-богу, попадетесь.

- Э! - сказал Иван Савич, - еще скоро ли попадусь, а между тем мы с тобой пожуируем.

- Нет уж, журируйте одни... да и вам нехорошо: бросьте, сударь!

- А! а! а! - начал зевать Иван Савич, - покойной ночи, Авдей, завтра разбуди в девять часов.

Утром, когда Авдей стал подавать чай, первый вопрос Ивана Савича был:

- Ну что соседка?

Авдей молчал.

- А?

- Ничего, отдал платок.

- Так он ее был? ну а порадел ли ты мне?

- Говорил.

- Что ж она?

- Говорит, рада доброму соседу. Коли, говорит, случится надобность в чем, так не откажите, и мы вам тоже постараемся, чем можем. Не понадобится ли, говорит, барину когда пирожок испечь: я, мол, мастерица.

Иван Савич вытаращил глаза.

- Как пирожок?

- Пирожок-с, с рыбой или с говядиной... с чем, говорит, угодно. Еще говорит, не нужно ли вам рубашек шить?.. я, говорит, могу...

Иван Савич вскочил с постели.

- Как рубашек?

- Еще... - начал Авдей.

- Стой! ни слова больше! ищи сейчас квартиру... Куда я попал? вон, вон отсюда!

- Что вы, опомнитесь, сударь: что вам за дело? Нам же лучше.

- Такая хорошенькая - и печет пироги! - говорил сам с собой Иван Савич, -ужас! ну, с чем это...

- С рыбой и с говядиной, - подхватил Авдей.

- Э! молчи, дуралей! тебя не спрашивают.

- Ведь она не больно хороша, - заметил Авдей, - глаза-то словно плоски, да и зубы не все.

- Да, ты много смыслишь! - отвечал Иван Савич, стараясь попасть ногой в туфлю, - такая молоденькая - и шьет рубашки! а?

- Что за молоденькая, сударь: уж ей за пятьдесят, - сказал Авдей.

- Как за пятьдесят! да ты с которой говорил?

- Ну, с той, что квартиру нанимает, - с самой хозяйкой.

- Со старухой? что ж ты мне не скажешь давно? Кто просил тебя радеть мне у этой старой ведьмы?

- Ведь вы сами вчера приказывали.

- Я сам приказывал! - передразнил его Иван Савич. - Я толком тебе говорил - жуировать: можно ли с таким страшилищем жуировать? разве тебе самому охота? вечно только подгадишь мне! Впрочем... нет... ничего, больше доверенности! пусть пироги печет. Я ей, пожалуй, и рубашки закажу. Ну а молодая кто?

- Жилища у ней, - нанимает две комнаты.

Иван Савич не ходил в тот день на службу, под предлогом переезда на новую квартиру. Авдей возился, уставлял, а он надел красивый шлафрок, отворил вполтину дверь и глядел к соседкам: это он называл жуировать.

- Разве не пойдете в должность? - спросил Авдей. - Пора бы одеваться -одиннадцатый час...

- Нет, не пойду, что должность?.. сухая материя! надо жуировать жизнь. Жизнь коротка, сказал не помню какой-то философ.

Там, в комнатах, видел он, то мелькнет что-то легкое, воздушное, белое, кисейное, то протащится неуклюжее, полосатое. Иногда в узком промежутке неплотно затворенной двери светился хорошенький черный глаз с

длинными ресницами, потом хлопал глаз без бровей, как будто филин. Вскоре послышались звуки фортепиано. Играли из "Роберта".

"Кто же это играет? - думал Иван Савич. - Уж конечно она, молоденькая. Где той... месить пироги и играть на фортепиано?"

Он взял скрипку и тоже заиграл. Там перестали играть.

"Вот и видно, что она женщина строгой нравственности! - подумал Иван Савич. - Иная бы пуще заиграла". - Он посмотрелся в зеркало и причесал бакенбарды.

Вскоре дверь там отворилась побольше и наконец почти совсем.

- У нас труба дымит, - сказала старуха Авдею. - Летом всё отворяем дверь. Вот другой год твердим хозяину, чтобы переделал... нет! их дело только деньги брать.

Прошло дня два. Иногда соседка не очень быстро мелькала сквозь двери. Она приостанавливалась и как будто улыбалась, потом вдруг пряталась. На третий день дворник принес паспорт из части.

- Что это, любезный, - спросил Иван Савич, - у соседок-то не видать мужей: где ж

они?

- В командировке-с, где-то далече.

- А! - сказал Иван Савич, - тем лучше. А кто еще в доме у вас живет? там, по парадной лестнице, в больших квартирах?

Дворник назвал несколько известных фамилий.

- А вон там, во втором этаже, где еще такие славные занавесы в окнах?

- Там-с одна знатная барыня, иностранка Цейх.

- Знатная! - говорил Иван Савич Авдею, - что это у него значит?.. Она может быть знатная потому, что в самом деле знатная, и потому, что, может быть, дает ему знатно на водку, или знатная собой?..

- Не могу знать, - отвечал Авдей.

- Посмотрим, посмотрим: может быть, и ее увидим, - примолвил Иван Савич и погладил бакенбарды.

Он продолжал переглядываться с соседкой. Однажды у ней на пороге появилась девочка лет шести.

- Уж не дочь ли это ее, Авдей?

- Не могу знать, - отвечал Авдей.

- Ты никогда ничего не знаешь: что ни спросишь о деле. За что ты хлеб ешь?.. Да нет, быть не может: это не дочь ее. Она слишком молода: верно, старуха испекла этот пирог. Но та кажется уж слишком стара для этого.

Он узнал, что девочка - племянница соседки, зазвал малютку к себе, дал ей конфет и таким образом завязал сношения. Они взаимно присылали друг другу поклоны. Однажды малютка принесла розан.

- Хотите, я вам подарю? - сказала она.

- Подари. А кто тебе дал?

- Хорошая тетенька.

- Что она сказала тебе?

- Она сказала, поди подари цветок вон тому дяденьке. Скажи, что ты даришь от себя, да смотри не говори, что я велела, а то в угол поставлю.

- Вот тебе, душенька, конфет, а эту пряжечку отнеси к тетеньке и подари ей да скажи, что я подарил тебе, а ты даришь ей; слышишь?

- Слышу.

- Ну, как ты скажешь?

- Скажу: дяденька подарил тебе и велел

сказать, чтоб ты подарила мне.

Вдруг в комнату вбежал какой-то юноша.

- Здравствуй, Ваня, - сказал он, - насилу сыскал тебя. Ба! что это значит, Ваня? - вдруг спросил он, поглядывая на розу, на девочку и на брошку.

- Ничего, Вася, так... - хвастливо, с улыбкой говорил Иван Савич, поди, душенька, домой.

Девочка побежала и открыла дверь. В это время мелькнула головка соседки.

- Э! э! приятель! так-то ты скрываешься! - заговорил Вася, - хорошо же! давно ли? да какая хорошенькая! ах ты, злодей! ах, варвар! ну-ка, ну-ка, покажи!

Он пошел к дверям.

- Нет, mon cher, постой! нехорошо! не гляди! - говорил Иван Савич, загораживая дорогу. - Ну что она подумает? это совсем не из таких... После я всё расскажу.

- Нет, нет, пусти... не верю!

- Нет, братец, нельзя! пожалуйста, не ходи.

- Ну, познакомь меня. Вот тебе честное слово, не стану отбивать. То-то ты у меня! а я за тобой.

- Что такое?

- Мы впятером обедаем на Васильевском острове, в новой гостинице: говорят, телячьи ножки готовят божественно! проздравим! проздравим! а оттуда на Крестовский... покутим.

- Мне нельзя вечером.

- Отчего?

- Так! - значительно, с улыбкой сказал Иван Савич.

- А! понимаю! счастливец! Ну, завтра мы в театре? Асенкова в трех пьесах играет. Смотри, mon cher, нельзя не быть: что скажут наши? манкировать не должно, а то подумают, что ты хочешь отшатнуться. И то три офицера да вон тот статский, знаешь, что еще полы сюртука всё сзади расходятся, собрали, говорят, партию перехлопать нас, говорят, и в раек людей своих посадят; да где им! слушать любо, как наш угол захлопает: я однажды из коридора послушал - чудо! сначала мелкой дробью - па-па-па, точно ружейный огонь, а там и пошло, и пошло, так по коридорам гул и ходит... Даже капельдинер плюнул и отошел от дверей, а я не вытерпел да и сам давай - браво, браво, наши! Квартальный сердит-

то поглядывал на меня... да пусть!.. Так едем?
потом поужинаем, кутнем, а?

- Не знаю, mon cher!

- Чего не знаешь! на первых порах в полночь тебя не примут. Решено: завтра с нами. Ты не знаешь, ведь Шушин награду получил - полугодовой оклад; он обещал полдюжины, да ты на радостях столько же - вот и будет с нас! Смотри же, ждем.

И ушел. А Иван Савич уселся с книгой в руках на маленьком диванчике, как раз против дверей соседки, в живописном положении. Но если бы кто заглянул в книгу, то увидел бы, что он держал ее вверх ногами. Прошло недели три. Они уже кланялись друг другу и даже, стоя каждый в своих дверях, разговаривали. Когда в это время кто-нибудь шел, сверху или снизу, они поспешно прятались. Вдруг соседки не стало видно, и даже дверь была затворена. Иван Савич встревожился.

- Авдей! отчего у соседки затворена дверь?

- Не могу знать.

- Не уехала ли она куда-нибудь?

- Не могу знать.

- Никогда ничего не знает! Я не Суворов, а

досадно! Так поди узнай: спроси, здоровы ли? что, мол, вас давно не видать?

Авдей принес ответ, что Анна Павловна нездоровы и приказали просить к себе: "Колли-де вам не скучно будет посидеть с больной".

- К себе! - воскликнул Иван Савич, вздрогнув от восторга, - ужели? а! наконец! Авдей! скорей бриться, одеваться!

Он второпях обрезал в двух местах бороду и щеку и залепил царапины английским пластырем, полагая, что так он интереснее, нежели с царапинами или даже нежели просто без царапин: это очень обыкновенно, она уж его так видала. Он не пожалел на голову пятирублевой помады. Бакенбарды смочил квасом и минут на пять крепко перевязал платком, чтоб придать им лоск и заставить лежать смирно. В носовой платок налил лучших духов. На шею небрежно повязал голубую косынку и выпустил воротнички рубашки. К довершению всего, надел лакированные сапоги и, таким образом, блестя, лоснясь и благоухая, предстал пред соседкой. Она сидела на софе, поджав ноги, окутанная в большую шаль, с

подвязанным горлом.

Квартира Анны Павловны была убрана, как убирают почти все квартиры о двух комнатах, с передней и кухней. Диван красного дерева, обитый полинялой шерстяной материей с пятнами, другой клеенчатый диван, полдюжины стульев под красное дерево, старый комод, а на нем туалет, который, в случае нужды, легко можно переносить с места на место. На окнах несколько горшков гераниума и две клетки с канарейками.

У Ивана Савича на подобные визиты давно обдуман был и поклон, и приветствие, и даже мина.

Вошедши, он остановился в некотором расстоянии наклонил немного голову и слегка улыбнулся.

- Наконец я у вас! - сказал он, оглядываясь кругом. - Ужели это правда? не во сне ли я?

- Может быть, этот сон не нравится вам? Бывают сны скучные и тяжелые, - отвечала она с томной улыбкой, - проснитесь... это легко!

- Боже меня сохрани! Пусть этот сон будет непробудным! Она опять улыбнулась.

- Садитесь, - сказала она, - благодарю вас за участие; как это вы вспомнили, и еще через два дня?

- Я не вспомнил: вспоминают о том, что было забыто; я вас не забывал. Но что с вами?

Она поглядела на него довольно нежно и потупила глаза.

- Немного простудилась, - отвечала она, - я думаю... оттого... что бываю иногда... у дверей. Люди обречены на страдание.

Она вздохнула.

Тут Иван Савич посмотрел на нее нежно, а она покраснела. Они молчали несколько времени.

- Вы редко бываете дома? - потом спросила она.

- Нет-с... да-с... смотря по...

- У вас часто бывают гости?

- Да-с... бывают иногда, - отвечал он.

- Кто это... рыжий молодой человек? такой противный: всякий раз заглядывает в дверь.

- Это... "постой-ка, я тону задам!" - подумал он, - это граф Коркин, славный молодой человек, первый жуир в Петербурге.

- А другой, в очках?

- Барон Кизель. Отлично играет на бильярде.

- Как они у вас шумят! что вы делаете?

"Расскажу ей, как мы кутим... Это нравится женщинам", - подумал Иван Савич.

- Кутим-с. Вот иногда они соберутся ко мне, и пойдет вавилонское столпотворение, особенно когда бывает князь Дудкин: карты, шампанское, устрицы, пари... знаете, как бывает между молодыми людьми хорошего тона.

- И вам не жаль тратить денег на шампанское?

- Что жалеть денег? деньги ничтожный, презренный металл. Жизнь коротка, сказал один философ: надо жуировать ею.

- О, да вот вы какие!

- Да-с! - сказал он и вытащил из кармана платок. Запах распространился по всей комнате, так что даже из-за дверей выглянула старуха.

- Где вы покупаете духи? Какие славные! - сказала Анна Павловна, вдыхая носом запах. - Это блаженство - утопаешь в неге!

- В английском магазине.

- А что стоят?

- Десять рублей, то есть три целковых по нынешнему.

- Стало быть, десять с полтиной? - примолвила она, - как дороги здесь в мире все удовольствия!

- Зато прекрепкие: вымоют платок, всё еще пахнет. Позвольте прислать на пробу скляночку?

- Помилуйте... я так спросила... из любопытства... не подумайте...

- Ничего-с! я вам завтра пришлю. Вы меня обидите, если откажетесь принять такую безделицу.

- Ах да! - сказала она, - вы подарили моей племяннице брошку; я ношу ее, видите?

- Очень приятно, - только мне совестно: это слишком недостойно украшать такую грудь... Если б я знал...

- Чем же вы еще занимаетесь?

- Бываю в театре.

- В театре? Ах, счастливые! что может быть отраднее театра? блаженство! в театре забываешь всякое горе. Читаете, конечно?

- Да-с, да... разумеется.

- Что же, Пушкина? Ах, Пушкин! "Братья разбойники"! "Кавказский пленник"! бедная Зарема, как она страдала! а Гирей - какой изверг!

- Нет-с, я читаю больше философические книги.

- А! какие же? одолжите мне: я никогда не видала философических книг.

- Сочинения Гомера, Ломоносова, "Энциклопедический лексикон"... сказал он, - вы не станете читать... вам покажется скучно...

- Это, верно, кто-нибудь из них сказал, что жизнь коротка?

- Да-с.

- Прекрасно сказано!

От этого ученого разговора они перешли к предметам более нежным: заговорили о дружбе, о любви.

- Что может быть утешительнее дружбы! - сказала она, подняв глаза кверху.

- Что может быть сладостнее любви? - примолвил Иван Савич, взглянув на нее нежно. - Это, так сказать, жизненный бальзам!

- Что любовь! - заметила она, - это пагубное чувство; мужчины все такие обманщики...

Она вздохнула, а он сел рядом с ней.

- Что вы? - спросила она.

- Ничего-с. Я так счастлив, что сижу подле вас, дышу с вами одним воздухом... Поверьте, что я совсем не похож на других мужчин... о, вы меня не знаете! женщина для меня - это священное создание... я ничего не пожалею...

- В самом деле? - задумчиво спросила она.

- Ей-богу.

Они долго говорили, наконец стали шептать. От нее разливалась такая жаркая атмосфера, около него такая благоуханная. Они должны были непременно слиться и слились. Она уронила платок; Иван Савич бросился его поднять, и она тоже; лица их сошлись, - раздался поцелуй.

- Ах! - тихо вскрикнула она.

- О! - произнес он восторженно, - какая минута!

- Давно ли, - говорила она, закрыв лицо руками, - мы знакомы... и уж...

- Разве нужно для этого время? - начал торжественно Иван Савич, довольный одной искры, чтобы прожечь сердце, одной минуты, чтоб напечатлеть милый образ здесь навсегда.

Гда.

Еще поцелуй, еще и еще.

- Вот что значит жуировать жизнью, клянусь Богом! - сказал серьезно Иван Савич. - Всё прочее там, чины, слава...

Вдруг кто-то чихнул в соседней комнате.

- Кто тут? - спросил, побледнев, Иван Савич.

- Это моя хозяйка, ничего: она мне предана.

- Ах! да... - сказал вдруг он, - дворник мне говорил, что у вас есть муж... в командировке?

Анна Павловна встрепенулась и покраснела как маков цвет.

- Да... - бормотала она, - его послали... ничего... он долго не будет.

И замяла разговор.

- Как же вы живете одни, без покровителя, без...

Анна Павловна еще больше покраснела.

- У меня есть дядя, он и опекун...

- Он бывает у вас?

- Да, раз в неделю.

- Ну, если он меня увидит здесь?

- Нехорошо, - сказала она, встревожась, - очень плохо, остерегайтесь, не показывайтесь при нем. Мы будем с вами читать, заниматься музыкой, гулять вместе. Да, не правда ли? - говорила она.

- О, конечно!

- Вы повезете меня в театр, да?

- Непременно.

- Ах, какое блаженство!

Иван Савич воротился домой вне себя от радости.

- Как я счастлив, Авдей! - твердил он, - а! вот что значит жуировать! Это не то, что Амалия Николавна или Александра Максимовна: те перед нею просто стыд сказать. К этой так нельзя приступиться. Завтра к Васе - и вспрыски! нечего делать. Ну уж стоило же мне хлопот: не всякому бы удалось! а? как ты думаешь?

- Не могу знать! - отвечал Авдей.

С тех пор Иван Савич только и делал, что жуировал. То он у нее, то она у него. В должности он бывал реже. Его видали под руку с дамой прогуливающимся в отдаленных улицах. В театре он прятался в ложе третьего яру-

са за какими-то двумя женщинами, из которых одна была похожа на ворону в павлиньих перьях. Это была хозяйка и дуэнья Анны Павловны. Дома они были неразлучны. Она чаще бывала у него: обедала, завтракала - словом, как говорят, живмя жила.

- У тебя такие мягкие диваны, - говорила она вскоре после знакомства, - так славно сидеть, нежиться. Я лучше люблю быть здесь. Ах! какая прелесть! жизнь так хороша! это блаженство!

- Знаешь что, мой ангел: возьми пока к себе один диван, вот этот, зеленый, - отвечал Иван Савич. - У меня их два да еще кушетка.

- Зачем... - нерешительно говорила Анна Павловна. - К такому дивану нужен и ковер, а у меня нет... не всем рок судил счастье...

- Возьми один ковер: у меня два.

- Ну уж если ты так добр, так дай на подержание и зеркало, чтобы хоть на время забыть удары судьбы.

- Изволь, изволь, мой ангел! Ах ты, моя кошечка, птичка, цветочек... не правда ли, Авдей, цветочек?

- Не могу знать, - отвечал Авдей, проходя

через комнату.

- Да, цветочек! - начала она полугневно, - я так люблю цветы... а ты мне всё еще не собрался купить...

- Завтра же, завтра, дружок, усыплю путь твоей жизни цветами.

- И хорошеньких горшечков от Поскочина, - сказала она, взяв его руками за обе щеки. - Это чистейшее наслаждение: оно не влечет за собой ни раскаяния, ни слез, ни вздохов...

- Непременно, только не растрепли бакенбард: мне в департамент идти; надо же когда-нибудь сходить. Как жаль, что тебя, Анета, нельзя брать туда: я бы каждый день ходил. Ты бы подшивала бумаги в дела, я бы писал... чудо!.. А то начальник отделения, столоначальник... да всё чиновничьи лица... фи!.. Если и придет иногда просительница, так такая... уф!.. К нам всё мещанки да солдатки ходят... ни одной нет порядочной: рожа на роже! пожуировать не думай. Ох, служба, служба, - прибавил он, натягивая вицмундир, - губи свою молодость в мертвых занятиях!

- Долго ты там пробудешь, mon ami?

- Часов до четырех, я думаю... Если можно будет надуть начальника отделения, так уде-ру около трех.

- Ах, Боже мой! У меня нет часов: я не буду знать, когда ты придешь. Часы мне покажутся веками, а в жизни и так немного радости.

- И, мой друг, - сказал Иван Савич, - помни, что жизнь коротка, по словам философа, и не грусти, а жуируй. Да возьми-ка мои часы столовые: они верны, - сказал Иван Савич.

- Да! а на что я их поставлю? У меня нет такого столика. Не всякому дано...

- Ты и со столиком возьми. Авдей! отнеси!

Прошло месяца два - Иван Савич всё жуировал, Анна Павловна всё вздыхала да распоряжалась свободно им и его добром. Как же иначе? И он распоряжался ею и ее добром: играл локонами, как будто своими, целовал глазки, носик и проч. Наконец продолжительные свидания начали утомлять их: то он, то она зевнет; иногда просидят с час, не говоря ни слова. Иван Савич стал зевать по окнам других квартир.

- Авдей! чей это такой славный экипаж? - спросил он однажды, глядя из своего окна на

двор.

- Не могу знать.

- Узнай.

Авдей доложил через пять минут, что экипаж принадлежал знатной барыне, что во втором этаже живет.

- Какие славные лошади, как хорошо одеты люди! Она должна быть богата, Авдей?

- Не могу знать.

В другой раз он увидел, что на дворе выбивают пыль из роскошных ковров, и на вопрос, чьи они, получил в ответ от Авдея сначала - не могу знать, потом, что и ковры принадлежали знатной барыне.

- А вон эта собака? - спросил Иван Савич.

- Ее же. Чуть было давеча за ногу не укусила, проклятая!

- Вот бы туда-то попасть! - сказал Иван Савич.

Иван Савич и Анна Павловна всё дружно жили между собой и видались почти так же часто. Только изредка, как сказано, зевали, иногда даже дремали. Дремала и любовь. Горе, когда она дремлет! От дремоты недалеко до вечного сна, если не пронесется, как игри-

вый ветерок, ревность, подозрение, препятствие и не освежит чувства, покоящегося на взаимной доверенности и безмятежном согласии любящейся четы. Впрочем, кажется, ни Иван Савич, ни Анна Павловна не заботились о том. Они смело дремали, сидя на разных концах дивана, иногда переглядывались, перекидывались словом, менялись поцелуем и вновь молчали. Она задумывалась или работала, он дремал. Однажды дремота его превратилась в настоящий, основательный сон: голова опрокинулась почти совсем на задок дивана. Он даже открыл немного рот, заметается неумышленно, поднял кверху нос, в руке крепко держал один угол подушки и спал. Вдруг ему послышалось восклицание "ах!", потом сильный говор подле него. Он не обратил на это внимания, но говор всё продолжался. Через минуту он открыл глаза. Что же? Перед ним стоит низенький, чрезвычайно толстый пожилой человек, с усами, в венгерке, и грозно вращает очами, устремив их прямо на него. Иван Савич тотчас опять закрыл глаза.

- Какой скверный сон! - сказал он, - при-

снится же этакая гадость!

И плюнул прямо на призрак.

- Иван Савич! что вы, что вы! - перебила его испуганным голосом Анна Павловна.

- Ничего, мой ангел! Не мешай мне спать. Если б ты видела, какой уродище сейчас приснился мне: наяву такого быть не может.

Анна Павловна упала в обморок и склонилась бледную голову на подушку.

- Милостивый государь! - вдруг загремел кто-то басом над самым ухом Ивана Савича.

Он вскочил как бешеный - и что же? Урод, которого он принял за создание воображения, стоит перед ним, сложив руки крестом, как Наполеон.

- Что-с... я-с... извините... я думал... что вы - сон, - бормотал, трясясь от страха, Иван Савич.

- Кто вы? зачем вы здесь? а? по какому случаю? - говорил толстяк, подступая к Ивану Савичу.

- Я-с? я... помилуйте, - говорил тот, пятясь к дверям, - я чиновник, служу в министерстве... Что вы?

- Я с вами разделаюсь, - говорил толстяк, -

разделаюсь непременно, погодите!

Иван Савич ушел в переднюю, оттуда в сени, всё задом. В сенях он остановился и поглядел в дверь. К нему выбежала Анна Павловна, бледная и расстроенная.

- Это мой опекун... и... и... и... дядя! - сказала она.

- Опекун! - говорил Иван Савич, заглядывая в дверь на толстяка, - у вас огромная опека, Анна Павловна!

- И вы можете шутить? Подите к себе и не приходите, пока не позову... О, Боже мой! Чем это кончится? Вот какая туча разразилась над нами: заря нашего блаженства затмилась. Я не ждала его так рано из командировки.

- Так у вас и дядя был в командировке? Я не знал.

- Прощайте, прощайте, - сказала она, - может быть, навсегда.

- И пора, - бормотал Иван Савич, - надоела мне: всё хнычет, а ест, ест так, что Боже упаси!

Иван Савич пришел домой и растянулся в спальне на кушетке досыпать прерванный сон. Через час он услышал над собой опять:

"Милостивый государь!", открыл глаза - и тот же толстяк стоит над ним.

- Опять тот же гадкий сон! - сказал он и вскочил с кушетки. - А, это вы! - примолвил он. - Позвольте узнать, с кем я имею честь...

- Я отставной майор Стрекоза, - сказал толстяк, - к вашим услугам.

И сел без церемонии на кресла против кушетки.

"Стрекоза! - думал Иван Савич, - хороша стрекоза! кажется, вовсе не попрыгунья. Мог бы из Крылова же басен заимствовать себе название поприличнее".

- Давно ли вы знакомы с Анной Павловной? - грозно спросил майор.

- Да месяца три будет, а что-с?

- Не вам следует спрашивать, а мне: вы извольте отвечать.

Иван Савич хотел было сказать ему что-то колкое, да с языка не сошло.

- Каким образом вы познакомились?

- Через двери, господин... госпожа... господин Стрекоза.

- Знаю, что не чрез окно, но как?

- Да так-с: по соседству. Я ей скажу: "Здрав-

ствуйте, Анна Павловна, здоровы ли вы?" Она отвечает: "Здравствуйте, Иван Савич, покорно вас благодарю"... Так и познакомились.

- Но этим, кажется, ваши сношения не ограничивались?.. а?..

- Помилуйте, господин Стрекоза, - начал вкрадчиво Иван Савич. Неужели вы можете думать, чтобы я, чтобы она, чтобы мы... что-нибудь такое... Да я так скромн, так невинен... могу даже сказать, что ненависть моя к женщинам известна здесь всем в городе... я мизантроп! право-с! Граф Коркин, барон Кизель могут подтвердить, и притом Анна Павловна так любит своего мужа...

- Мужа? - спросил майор.

- Да-с, что в командировке. Только о нем и говорит; скоро ли, говорит, он приедет. Мне, говорит, так скучно без него... я не живу. Помилуйте, господин Стрекоза, вы нас обижаете...

Майор задумался и, по-видимому, смягчился.

- Но что значит сцена, которую я застал? - сказал он, - вы спали, называли ее "мой ангел"! Как могли вы дойти до такой степени

короткости? а? Я с вами, милостивый государь, разделаюсь!

- И, господин майор! если б вы знали, как я прост душой, вы бы ничего не заключили дурного из этого. В один день я сойду с человеком - и как будто двадцать лет жил вместе. Ты да ты. За что вы нападаете понапрасну на мою простоту и добродетель? обижаете и свою племянницу... ведь вы дяденька ей?

- Да, я опекун ее и... дядя.

- Как лестно носить титул этот при такой прекрасной особе, и кому же вверить это сокровище...как не...

- Я не комплименты пришел сюда слушать, - грубо перервал майор, - а разделаться! Я вам дам! Как вы, милостивый государь, смели, - спрашиваю я вас?

"Медведь! - подумал Иван Савич. - Никакой образованности, никакого тону!"

- Послушайте, милостивый государь, - сказал майор, - вы должны мне дать удовлетворение, или...

- Как удовлетворение? какое?

- Разумеется, как благородный человек.

Майор указал на пистолеты, висевшие на

стене.

- Вон у вас, я вижу, есть и средства к тому, - прибавил он.

- Э! нет-с. Это подарил мне один знакомый, ни он, ни я не знаем для чего: черт знает, зачем они тут висят. Это дурак Авдей развесил.

Он снял их и проворно спрятал под кровать.

- Вот теперь, может быть, узнаете, - сказал майор с выразительным жестом.

Иван Савич покачал головой.

- Ни за что-с! - сказал он решительно. - У меня правило - не стреляться, особенно за женщин. Этак мне пришлось бы убить человек пятьдесят или давно самому быть убитым... так, за недоразумения, вот как теперь. Притом же я и не умею...

- В таком случае вы должны отказаться от знакомства с Анной Павловной... я как опекун... и... и... и дядя ее... требую этого.

- Отказаться! Как же жить в соседстве и не быть знакомым? придется встретиться как-нибудь, согласитесь сами...

- Ни-ни-ни! не придется, если не будете стараться: я ее увезу на другую квартиру...

- Давно бы вы сказали! - воскликнул Иван Савич. - Ух! гора с плеч долой! Знайте, господин Стрекоза, что у меня правило - не переносить знакомства на другую квартиру.

- Э! - сказал, улыбнувшись, майор, - да у вас славные правила! Ну так и дело с концом: мир. Нечего об этом и говорить.

- Не прикажете ли чаю?

- Очень хорошо. Нет ли с ромцом?

- Есть коньяк.

- Ну всё равно.

- Не угодно ли сигары?

- Пожалуйста.

И они стали друзьями.

- Какая у вас славная квартира! - сказал майор, оглядываясь кругом, со всеми удобствами... Что это, мне как будто вдруг что-то на нос капнуло?..

- Ах-с! это вон оттуда, - сказал Иван Савич, указывая вверх. - Это ничего, так, дрянь, пройдет. Майор поднял голову и посмотрел на пятно. Вдруг оттуда полился проливной дождь прямо ему в лицо.

- Милостивый государь! - закричал он, вскочив с места, - что это значит? Я с вами

разделаюсь...

- Я не виноват-с: право! Это иногда течет: видно, вверху пролили ушат с водой... Эй, Авдей! Авдей! подставь скорей ведерко...

- Прощайте, - сказал майор, - у вас небезопасно; пойду укрыться... к племяннице от дождя. Странные у вас правила, право, странные: не стреляетесь, не переносите знакомства на другую квартиру, дождь терпите в комнатах... гм!

Он ушел. На другой день, рано утром, от Анны Павловны, от майора и от старухи не осталось никаких следов. В доме и духу их не стало.

Авдей торжественно вышел на середину комнаты.

- Как же, батюшка Иван Савич, - сказал он, - они увезли у нас диван, стол, часы, зеркало, ковер, две вазы, ведро совсем новешенькое да молоток. Не прикажете ли сходить за ними?

- И, нет, не надо! Еще, пожалуй, привяжется Стрекоза: по какому, дескать, поводу эти вещи были там? ну их совсем. Избавились от беды: это главное.

- Ведь говорил я вам, нехорошо будет: шутка ли, чего стало!

- Зато пожуировали! - сказал Иван Савич.

В тот же день Иван Савич кутил с друзьями. Он рассказал им свое приключение.

- За здоровье сироты! - провозгласили друзья.

- Да, друзья мои, лишился, потерял ее! если б вы знали, как она любила меня! Подумайте, всем мне жертвовала: спокойствием, сердцем. Она была... как бы это выразить?.. милым видением, так сказать, мечтой... разнообразила этак тоску мертвой жизни...

- Да, братец, жаль, - сказал, вздохнув и покрутив усы, офицер, - как это ты выпустил из рук такую птичку?.. Ты бы проведаль!

- Нельзя, mon cher: честное слово дал! Дядя, опекун: подумай, вышла бы история... повредила бы мне по службе.

- Ты бы мне сказал, - продолжал офицер, - я бы разделался с ним. Я бы показал, что значит обидеть моего приятеля! А ты! вот что значит не военный человек!

- Я, mon cher, и сам намекал ему на пистолеты, даже снял со стены и показал... да он ис-

кусно замял речь.

- Подлец! трус! - примолвил офицер, притопывая то той, то другой ногой...

- Какие всё ему достаются: барыни, да еще замужние! - заметил другой.

- И не показал, не познакомил, злодей! - сказал Вася. - Нет, я так в горничных счастлив. Какая у меня теперь... а!!

И он рассказал им какая.

- Славно мы живем! - примолвил один из молодых людей, - право, славно: кутим, жуируем! вот жизнь так жизнь! завтра, послезавтра, всякий день. Вон Губкин: ну что его за жизнь! Утро в департаменте мечется как угорелый, да еще после обеда пишет, книги сочиняет; просто смерть!.. чудак!

Иван Савич опять не знал, куда девать свое время, опять зевал, потягивался, бил собаку, бранил Авдея. Однажды он пришел в комнату Авдея и посмотрел в окно. Вдруг лицо его оживилось.

- Голубчик Авдей! - сказал он, - посмотри-ка, какая хорошенькая девушка там, в окне, и как близко: можно разговаривать!

- Не о чем разговаривать-то, - сказал Авдей.

- Какие глазки! - продолжал Иван Савич, - ротик! только нос нехорош. А беленькая, свеженькая - прелесть! Ты ничего мне и не скажешь! Узнай, чья она.

Авдей доложил, что она служит у знатной барыни.

- И девушка-то знатная! - сказал Иван Савич, - право! а?

- Не могу знать! - отвечал Авдей, - известно: девчонка!

- Послушай, порадей-ка мне у ней: поди скажи, что я и добрый, и...

- Полно вам, батюшка Иван Савич, Бога вы не боитесь... - заговорил он с убедительным жестом, - и я-то с вами сколько греха на душу взял.

- Ну! - сказал Иван Савич, - по-твоему, не пожуируй! Поди, поди, говорят тебе.

- Воля ваша, Иван Савич, гневайтесь не гневайтесь, а я больше не намерен.

- Что ж ты пыль не обтираешь нигде, дурак этакой! - сердито закричал Иван Савич, - это что? это что? а? У меня там везде паутина! Давеча паук на нос сел! Ничего не делаешь! А еще метелку купил! К сапожнику опять забыл

сходиться? Да ты мне изволь новые чашки на свои деньги купить: я тебе дам бить посуду! Что это за скверный народ такой, ленивый... никуда не годится!

Дня через два Ивану Савичу принесли новое платье. Он примерил и велел спрятать. Вдруг Авдей вышел на середину.

- А что, батюшка Иван Савич, - сказал он, - не будет ли вашей барской милости... то есть теперь у вас три сюртука... один-то уж старенький... Не пожалуете ли мне?

Он низко поклонился.

- Не намерен, - сказал Иван Савич сухо.

Авдей крякнул и пошел в переднюю...

На другой день он надел на себя серебряные часы, повесил бисерный снурок по всей груди и животу, взял в руки картуз с кисточкой и отправился радеть своему барину.

- Говорил, - сказал он через полчаса, вышедши на середину.

- Что ж ты говорил? - спросил Иван Савич.

- Что, мол, барин у меня и добрый, и хорошенький такой...

- Вот, хорошенький! Зачем же ты врешь?

- Что за вру! вы ведь хорошенькие!..

Оба молчали. Иван Савич гладил бакенбарды.

- Что ж ты не в моем сюртуке ходил к ней? оно бы лучше! - сказал Иван Савич.

- Да как я смею барский сюртук надеть?

- Ты возьми его себе совсем, тот, что просил у меня.

Авдей подбежал, согнувшись, и поцеловал у барина ручку.

- Что ж ты ей еще сказал?

- Что барин мой, мол, молодец: где ни завидит женщину, - тотчас влюбится! У него, мол, немало их было...

- Да кто ж тебя просил об этом говорить? Ну пойдет ли она теперь? Есть ли у тебя рассудок? а? Вечно, вечно подгадишь мне! Что ж она сказала?

- Что мне, говорит, до твоего барина за дело? Он, говорит, мне не ровня: что мне с ним знакомиться? Поди, говорит, отваливай.

- Вот еще! - ворчал Иван Савич, - не ровня. Как же бы это устроить? Ах, славно! выдумал! Часто ли она бывает тут у окна?

- Да целое утро всякий день вертится.

- Там она теперь?

- Там-с.

- Дай-ка мне свой серый сюртук.

- На что это вам?

- Дай, дай, я знаю на что. Ну что, впору ли? - спросил Иван Савич, надев сюртук.

- Коротенек. Да что вы хотите делать?

- А вот что: ты скажи ей, что у нас два человека. Ведь она меня не видала?

- Нет-с.

- Ну, я утром буду приходить на полчаса к тебе в комнату, будто убирать что-нибудь. Вот и теперь пойду. Дай мне сапог и щетку.

Иван Савич поместился у самого окна и стал чистить сапог. Авдей спрятался в простенок и прикрыл рот рукой, чтоб не засмеяться вслух, и качал головой.

- Вишь ведь лукавый догадал - чего не выдумает! - бормотал он. - Не так, не так, Иван Савич, на что подошву-то намазали ваксой? И сапога-то не умеет вычистить, а еще барин!

- Здравствуйте! - сказал Иван Савич девушке в окно.

- Здравствуйте! - сказала она и продолжала гладить, не поднимая глаз.

- Какие вы хорошенькие!

- Да не про вас!

- Как не про меня-с? Будто мы уж никуда не годимся? - сказал он. - Чем я хуже моего барина? Он такой худой!

- Всё ж он барин, какой бы ни был! да мне и до него дела нет, отвечала она и посмотрела на него.

Он послал ей поцелуй. Она улыбнулась и показала ему утюг.

- Как же! не хотите ли вот этого? - сказала она, - как раз обожгу.

- Да вы уж и так обожгли меня глазками.

- Этак она догадается, - шептал Авдей, увлекшийся невольно на этот раз интересами своего барина, которым в другое время противился, - вы больно мудрено говорите-то.

- Можно мне к вам в гости прийти? - спросил Иван Савич.

- Зачем? У нас есть свои.

- Да есть ли такие, как я?

Иван Савич указал на бакенбарды.

- Может, и получше есть.

- Ну, вы пожалуйста ко мне.

- Вот еще! С чего вы это взяли? - сказала обиженным тоном девушка. Прощайте: неко-

гда мне с вами из пустого в порожнее переливать. Барыня ждет: она у меня там без юбки сидит!

- А кто ваша барыня?

- Известно, баронесса.

Она схватила юбку и понесла было.

- Да постойте же! куда вы? - сказал Иван Савич.

- Нечего стоять; и вы-то чистите не чистите сапог. Смотрите, выйдет барин: он вас за ушко да на солнышко. Так-то!

- Вы будете завтра тут? - спросил Иван Савич.

- А вам что за дело?

- Так; я бы покуражился с вами.

- Буду так буду, не буду так не буду: сами увидите! - сказала она скороговоркой и, как мышонок, побежала по лестнице, почти не дотрогиваясь до ступеней.

- Милашка! у! - нежно крикнул ей вслед Иван Савич. - Авдей! а?

- Не могу знать!

Авдей тряхнул головой.

- Пожалуйста-ка, добро, сапоги-то, - сказал он, - вишь, всю подошву вымазали, да и ок-

но-то у меня перепачкали. Ну вас тут совсем!

В следующие дни, в условленный час, оба бывали на своих местах. Иван Савич всё мазал подошву сапога, к великому соблазну Авдея, который нарочно для этого давал ему постоянно один старый и худой сапог. Маша тоже гладила долго одну и ту же юбку. Так продолжалось с неделю. Однажды вечером, когда баронесса уехала в театр, а, по словам Ивана Савича, барина его не было дома, Маша тронулась его нежностями и как тень, в платочке a la Fanchon, мелькнула по двору и явилась в комнате Авдея.

- Наконец ты у меня в гостях! - начал Иван Савич свою обычную фразу, с некоторыми вариантами, - ужели это правда? не во сне ли я вижу?

Она с трудом согласилась пойти в другие комнаты и при малейшем шуме трепетала как лист, опасаясь приезда барина.

- Как я счастлива! как я счастлива! - твердила Маша, - вы такие... такие... вы сами словно как барин! Какой у вас славный жилет! уж не барский ли?

- Да, барин подарил. Авдей! - закричал он,

забывшись, - подай чаю!..

- Что вы это? как вы на него кричите! - сказала Маша.

- Авдей Михайлыч, - сказал Иван Савич, спохватившись, - уважь нас: чайку поскорее. Ведь я барский камердинер, - примолвил он, обращаясь к Маше, - ну так Авдей и угождает мне. В другой раз замолвлю за него доброе словцо.

- А! вы камердинер! - значительно сказала Маша, - вот как!

Уже прошло недели три, как Маша частенько прокрадывалась к своему возлюбленному. Иван Савич лежал обыкновенно на барской кушетке, как он говорил Маше, а она сидела подле него в креслах и болтала без умолку или жевала что-нибудь. Горничные вечно что-нибудь жуют или грызут. В карманах их передника всегда найдете орехи, изюм, или половинку сухаря, оставшегося от барынина завтрака, или бисквиту, вафлю, залог нежности какого-нибудь повара. Иван Савич не находил более предмета для разговора с ней. Он уж пересказал ей все анекдоты, которые рассказываются только мужчинами друг другу

за бутылкой вина или горничным, и говорить больше было нечего.

- Ну скажи что-нибудь еще, - говорила однажды Маша. - Ты так смешно рассказываешь.

Иван Савич зевнул.

- И нынче конфекты да сливы: я лучше люблю яблоки, - продолжала Маша болтать, доедая сливу. - А это ведь, чай, дорого: неужели тебе барин столько денег дает? Это съешь, словно как ничего - и не попахнет, а после яблоков долго помнишь, что ела. Я могу целый десяток яблоков съесть, право!

Иван Савич всё молчал.

- Вчера мы с Настасьей, с нянькой от верхних жильцов, два десятка съели, инда насилу опомнились, даже тошно сделалось: ейный сын принес ей целый узел яблоков, пряников, орехов, да не одних простых, а разных. Он в мелочной лавке приказчиком. Ты вот мне никогда орехов не купишь.

Иван Савич закурил сигару.

- Что ты заплатил за сигарки? - спросила Маша.

- Это барские, - сказал Иван Савич.

- Ну как он узнает?

- Нет, у него много.

- И то сказать, правда: что жалеть господского? Я вот, как живу на свете, не знаю, что такое покупать помаду, духи, булавки, мыло: всё у барыни беру. Раз она и узнала по запаху: "Ты, говорит, никак моей помадой изволишь мазаться?" Вот я ей говорю... так и говорю, право, я ведь ей не уступлю... она слово, а я два... "кроме вашей помады нешто и на свете нет!" - "А где ж ты взяла?" - говорит она. - "Где? подарили", - а сама прячусь, чтоб она не разнюхала. "А кто, говорит, подарил?" - "А вам, мол, зачем?" "Дружок, верно!" - говорит. Что ж! ведь я соврала - сказала: дружок. А какой черту дружок! У меня после Алексея Захарыча до тебя никого и не было. Она и пошла попытываться кто, да тут приехали гости, я и ушла.

Оба замолчали.

- Ах, Иван! - начала опять Маша, - какое платье купила себе Лизавета, наша бывшая девушка, - креп-паше, чудо! Когда я соберусь сделать себе этакое?

Она вздохнула.

- А тебе хочется? - спросил Иван Савич.

- Еще бы не хотелось! уж я давно думала, да куда! оно двадцать восемь рублей стоит.

Иван Савич вынул из бумажника пятидесятирублевую ассигнацию и дал ей.

- Ах! неужели? - сказала она с радостным изумлением. - Это мне? Сколько же у тебя денег-то? ведь у меня сдачи нет.

- Ты всё себе возьми.

- Как всё?

Она повертывала в руках ассигнацию и смотрела то на нее, то на Ивана Савича и почти одурела совсем.

- Послушай, где ты берешь деньги? - спросила она вдруг боязливо.

- В барском бумажнике.

- Нет, неправда! ты бы так не говорил, - сказала она, бережно завязывая деньги в узелок, - как же я за это крепко поцелую тебя... у!.. в знак памяти сошью тебе манишку.

От радости она сделалась еще болтливее.

- Что, бишь, я хотела сказать такое? а?

- Не знаю, - сказал Иван Савич.

- Эх, досадно; что-то хотела сказать тебе... ах да! как давеча графский кучер бил како-

го-то мужика: тот в гости к нему пришел, а он и давай его бить; инда страсть, так прибил, что тот даже не знает, что и сказать ему. Да что ж ты всё молчишь? - сказала она после множества вопросов, на которые не получила ответа.

- Уж всё переговорили, - отвечал Иван Савич.

- Всё? как не всё! Нет, уж нынче ты не такой. Бывало, всё говоришь, что любишь меня, да спрашиваешь, люблю ли я тебя, а нынче вот пятый день не спрашиваешь: видно, уж не любишь. А я тебя всё так же люблю, еще больше, ей-богу! вот побожиться не грех! - примолвила она простодушно.

Опять молчание.

- Сколько у вас книг-то! всё толстые: чай, во всю жизнь не прочитаешь? - сказала она опять, - какие это книжки, Иван?

- Философические! - сказал Иван Савич.

- Какие же это? смешные или страшные? почитай мне когда-нибудь в книжку: я люблю смешные книжки. И у вас хорошо, - продолжала Маша, оглядываясь кругом, - а у нас еще лучше. Какие занавесы, какие ковры! ре-

шетки с плющами; какие корзинки для цветов! даже уму непостижимо. Вчера принесли маленький диванчик в спальню: какая материя! так глаза и разбегаются: четыреста рублей стоит. Как подумаешь, сколько эти господа денег соряют, так страшно станет. Хоть бы половину мне дали того, что иной раз в неделю истратят, так мне было бы на всю жизнь.

- Так очень хороша твоя барыня? - спросил Иван

Савич.

- Ах! прехорошенькая! особенно утром, как с постели встает.

- Как же бы с ней познакомиться?

- Кому?

- Разумеется, моему барину. Уж он говорил: похлопочи-ка, говорит, Иван!

- Нет ли у него приятеля, знакомого с нашей барыней? - сказала Маша, пусть тот и приведет его; а не то, пусть он выдумает, будто нужно спросить что-нибудь, да и придет: может, и познакомится. Славно бы! тогда бы я чаще к тебе бегала, будто к барину от барыни или попросить что-нибудь. Уж когда господа знакомы, так и люди знакомы. Это так водит-

ся. Что бы выдумать? а! да вот что: барыня продает одну лошадь: не надо ли вам? пусть бы и барин пришел, будто поторговаться.

- И прекрасно, - сказал Иван Савич, вскочив с кушетки, я и пойду.

- Ты? - спросила Маша.

- И познакомлюсь, - продолжал Иван Савич, не замечая ошибки.

- Что ты, что ты! опомнись, мой батюшка, заврался!

- Ах да! что я вру: барин, барин.

- То-то же.

- Ну, ты теперь поди домой, - сказал Иван Савич.

- Вот уж и гонишь, экой какой! ну, прощай. спасибо за подареннице, сказала Маша, неохотно вставая с кресел.

На другой день, Иван Савич, идучи в должность, встретил на лестнице знатную барыню и остановился, пораженный ее красотой. Она приветливо взглянула на него, как будто в благодарность за это удивление. После того он старался ежедневно сойтись с ней на лестнице. Это было легко, потому что из его окон видно было, как ей подавали карету. Наконец

он осмелился сделать ей робкий и почтительный поклон. Ему ласково кивнули головой, и Иван Савич был вне себя о радости.

- Авдей, - сказал он, - знаешь что? знатная барыня поклонилась мне сегодня; она всякий раз ласково смотрит на меня; значит, я ей нравлюсь. Как ты думаешь? а?

- Не могу знать.

И Маша подтвердила ему, что у ее барыни только и разговора, что об его барине.

- Всё меня расспрашивает о нем, - сказала она, - богат ли он, есть ли у него экипаж, сколько людей? а я почему знаю... знаю, мол, только, что у него двое людей - Авдей да Иван - вот и всё. Какая, право, чудная! я ведь по парадной лестнице не хожу: где ж мне его видеть? Да что ж, в самом деле, твой барин пойдет покупать лошадь? коли хочет, вот бы и познакомился.

Иван Савич, пока Маша говорила это, гладил бакенбарды.

Утром он посмотрел лошадь. Она была стара и разбита ногами. Он поторговался с кучером, но не согласился в цене и вечером послал Авдея просить у знатной барыни позво-

ления видется с ней, в твердом намерении не покупать лошади, а только завязать знакомство.

Сильно билось его сердце, когда он подошел к ее двери. "Страшно как-то с знатными! - думал он, осматриваясь и поправляясь, - что-нибудь не так сделаешь, беда, засмеют!.." Он позвонил чуть-чуть слышно. Человек доложил и потом, откинув занавес у дверей, впустил его в залу. Зала была обита белыми обоями с светло-дикими арабесками. Ничего лишнего. По стенам дюжины две легких, грациозной формы стульев белого дерева. Два огромных зеркала, у окон - те прекрасные корзины на тумбах, о которых говорила Маша, да великолепные драпри, которые он сам видел с улицы. В гостиной было всё богаче, роскошнее. Темная резная мебель. На столе бронза, часы на мраморном пьедестале, несколько картин, два или три бюста, вазы.

Иван Савич прошел гостиную и остановился в нерешимости, идти или нет далее. Всё было тихо. В следующей комнате чуть-чуть виден был свет от лампы.

"Как я войду? - думал он, - ну, как она там..."

того... что-нибудь такое... почивает?"

Вдруг послышался шорох, будто шелкового платья. Кто-то пошевелился, и опять всё замолкло. Иван Савич сделал два раза "хм! хм!" и кашлянул. Вдруг там позвонили... Он обрадовался и вошел. Долго он искал глазами обитательницы этого будуара и не находил, пока наконец явившийся по звонку человек не навел его на путь.

- Не надо. Поди! - послышалось из-за зелени.

Человек ушел.

Иван Савич прошел до камина и там, на полукруглом диване, обставленном трельяжем, отыскал невидимку. Она была, по-видимому, лет двадцати. Густые, темно-каштановые волосы спускались по вискам до половины щеки и прикрывали уши. Голубые глаза, маленький нос и еще меньше рот, свежесть лица - всё это ослепило Ивана Савича. Он уж не мог разобрать, в чем она была и как она сидела, - ничего.

Он почтительно поклонился.

- Наконец я у вас... - начал он робко, - неужели это правда? я как будто во сне.

Ему молча показали другой конец дивана.

"Вот как обрезала! - подумал Иван Савич, - ни слова! не то что Анна Павловна: та сейчас стала кокетничать и заговорила. А эта... о, да тут надо осторожно".

Она продолжала молчать. Иван Савич должен был опять заговорить. Он потерялся.

- Я насчет лошадки... - начал он чуть слышно, - пришел справиться... извините, что я... беспокою...

Больше у него не шло с языка, как он ни старался, точно как будто ему зашили рот.

- Да, мне человек сказывал, - отвечала она небрежно, - что вы хотите купить лошадь. Она не подходит под масть прочим моим лошадям, оттого я и велела ее продать.

- Кучер ваш говорит, что вы просите семьсот рублей... это очень...

- Дешево, хотите вы сказать? - перебила она еще небрежнее, - что ж делать! лошадь не стоит больше. Может быть, вам надо дороже и лучше... вы не церемоньтесь. Мне стоит сказать одно слово своим знакомым: графу Петушевскому, князю Поскокину, они бы сейчас избавили меня от этой лошади, лишь бы сде-

дать мне удовольствие.

Иван Савич струсил.

- Точно-с, - начал он, - вы изволите правду говорить... Я не имею чести быть вашим знакомым; но, чтоб сделать вам удовольствие...

У него занялся дух; он на минуту остановился собраться с силами. Она выразительно посмотрела на него.

- Но, чтоб сделать вам удовольствие, - повторил он, - я... я... готов...

Она кивнула слегка головой и улыбнулась.

- Вы очень любезны! - сказала она.

Иван Савич ободрился. "Каково же, - подумал он, - ай да Ваничка! ловко, брат! Что скажет Вася? как же ей деньги отдать? ведь, чай, самой нехорошо. О! выдумал, выдумал еще ловчее!"

- Кому прикажете деньги отдать? - спросил он уже довольно твердым голосом.

- Если они с вами, то потрудитесь бросить их вон в ту рабочую корзинку; а если нет, то пришлите.

Иван Савич положил деньги в корзинку и стал раскланиваться.

- Куда же вы? - спросила она, - вы были так

любезны. Я еще не успела поблагодарить вас; останьтесь пить чай со мной. Я вас не пущу.

Она взяла у него шляпу из рук и поставила с другой стороны подле себя. Она сделалась разговорчива и оставила небрежный тон.

- Садитесь поближе. Расскажите мне, давно ли вы здесь живете, чем вы занимаетесь?

- Я живу здесь четыре месяца, бываю в театре-с, читаю-с.

- Что вы читаете?

- Всё философические книги.

- А!

"Говорить ли ей, что мы кутим? - подумал Иван Савич, - нет! что я! Боже сохрани! ведь это не Анна Павловна".

- Вы изволите тоже читать книги? - спросил он, глядя на этажерку, уставленную книгами.

- Да, как же.

- Какие-с, позвольте спросить?

- Больше французские: теперь читаю "La duchesse de Chvteauroux".¹ Вчера мне подарили прекрасный кипсек. Достаньте вон ту книгу.

Он проворно вскочил, взял книгу и подал

ей. Она подвинулась к столику и открыла книгу.

- Посмотрите, какие гравюры. Да сядьте со мной рядом, поближе... еще...

Иван Савич сел, как она желала, - и смутился.

"Вот как вольно знатные обходятся, - думал он, - как принято у них; а мы чинимся между собой. Прямые мещане! Завтра за обедом расскажу нашим. Что скажет Вася? Чай, удивится, не поверит! "Эк куда, скажет, залез!" Надо осмотреть хорошенько, как убрано, чтобы пересказать нашим".

- Где же еще другая книга? - сказала знатная дама и позвонила. - Вели Маше, - сказала она вошедшему лакею, - принести из спальни книгу: она там на столике лежит.

При слове "Маша" у Ивана Савича забилось сердце. Вскоре послышались ее шаги. Она вошла, взглянула - и побледнела. Книга выпала у ней из рук.

- Что ты валяешь книгу? - сказала барыня. - Испортишь переплет. Да что ж ты стала? Подойди сюда! разве ты не видала у меня людей?

Маша тихо подошла и, склонив голову, еще тише пошла назад.

А Иван Савич забыл и Анну Павловну, и Машу, и всех на свете. Знатная дама с минуты на минуту делалась всё любезнее и любезнее. Время незаметно прошло до одиннадцати часов. Он стал прощаться.

- Приходите ко мне, как только будет у вас свободное время, - сказала она, - я всегда дома. Когда мы покороче познакомимся, то придумаем, как проводить вечера.

Тут человек пришел с докладом, что граф Лужин приехал.

- Прости. Прощайте, до свидания, - сказала она с дружеской улыбкой, подавая Ивану Савичу руку.

В зале он столкнулся с адъютантом, который опрометью вбежал в будуар. Иван Савич услышал звонкий поцелуй.

"Вот как знатные целуются! - сказал он сам себе. - А как поздно у них приезжают гости: у нас так спать ложатся. Мещане!"

У своих дверей Иван Савич услышал, что кто-то будто плачет. Он посмотрел - и что же? в темном углу, опершись на перила, горько

рыдала Маша.

- Что ты? что с тобой? - спросил он.

- Что с тобой!.. - всхлипывая, говорила она, - еще спрашиваете: что с тобой? Не грех ли вам так обижать бедную девушку?

- Как обижать?

- Обманывать! Сказали, что вы камердинер, что любите меня, а сами барин!

- Так что же?

- Как что! Сами к барыне пришли. Известно, барин не станет любить простую девушку...

- Ведь это не мешает тебе бывать у меня.

- Не мешает! Рассказывайте! Я видела, как вы близко с ней рядом сидели да шептались...

Она зарыдала. Иван Савич махнул рукой и пошел прочь.

- Пойдите, - сказала она, - возьмите ваши деньги: я от барина не хочу! Вот сорок пять рублей: пять рублей я истратила.

Она вынула из кармана ассигнации, бросила их на лестницу и исчезла.

Иван Савич так был поглощен впечатлением от свидания с знатною барыней, что тотчас же забыл о Маше. Он машинально

поднял ассигнации и пошел.

- Ну, брат, Авдей, вот прелесть, вот дама, так могу сказать!

- Неужли-то, сударь, у вас и с ней уж дошло до чего-нибудь этакого?

- Тс! тише, тише! - с испугом сказал Иван Савич. - Ты с ума сошел! ведь это не Анна Павловна. Ты этаких и не видывал. Ах, если бы... да нет!

- Что ж лошадь-то, сударь?

- Купил!

- Неужли? - сказал Авдей, - такого одра! Да что вам в нем? Вот деньги-то сорите! А что дали?

- Семьсот рублей.

- Господи, воля Твоя: да за нее двести рублей нельзя дать; а за семьсот рублей вы бы пару знатных лошадей купили.

- Зато не познакомился бы с знатной барыней! - сказал Иван Савич. Звала к себе как можно чаще.

- Экая лихая болезнь, прости Господи, знатная барыня! Знатно же она вас поддела! Семьсот рублей: шутка!

- Оно обошлось дешевле, - сказал Иван Са-

вич, - вот Маша отдала назад сорок пять рублей - стало быть, в шестьсот пятьдесят пять рублей. Ну, не хочет так как хочет!

Иван Савич явился в собрание своих друзей с торжественным лицом. Его походка, все движения были величавы. Он тихо вошел, молча отвечал на их приветствия и молча сел за свой прибор, ожидая вопросов.

- Что это у тебя такая физиономия сегодня? - спросил офицер.

- Да, в самом деле: ты как будто награду получил, - заметил чиновник. - И в белых перчатках!

- Нет, так, ничего! - небрежно отвечал Иван Савич. - Сейчас был с визитом.

- У кого это, позволь спросить?

- Помните, я вам говорил, - начал Иван Савич, сморщив лоб, - о той знатной даме... что живет у нас во втором этаже?..

- Неужли у нее? - спросил Вася.

Иван Савич молча кивнул головой.

- Каков! а! Ах, черт его возьми! и туда забрался! тьфу! Он плюнул.

- В самом деле, ты не врешь? - спросил офицер.

- Послушай! - сказал Вася, подсев к нему, - уж если ты меня тут не познакомишь, мы, брат, после этого больше не друзья!

- Нельзя ли местечка через нее выхлопотать? Вот бы вспрыски-то были!

- Ах ты, жуир, - начал другой, - а! мало тебе! Ты и знати спуску не даешь: баронесса! какво!

- Поздравим, поздравим! - закричал офицер. - Чего спросить, креман или клико? Надо, братец, вспрыснуть, воля твоя: баронесса!

- Тс! господа, господа! - заговорил серьезно, с испугом Иван Савич, если вы станете кричать, я сейчас уйду. Ведь это не какая-нибудь Анна Павловна. Кругом нас множество народу, а вы кричите. Может быть, тут кто-нибудь из знатных есть; а у ней что ни вечер, то князь, то граф! услышат - и мне и вам достанется! Я вам по-дружески сказал, а вы и пошли... Надо, господа, знать тон, приличия, как с кем обращаться!

Все струсили и начали говорить шепотом.

- Ну а Маша что? Изменил, злодей! - сказал Вася.

- Фи! Неужли ты думаешь, что я к Маше

питал что-нибудь такое?.. Да и что вы рано принялись поздравлять: ничего нет, а может быть, и не будет. Мне и подумать-то страшно об этом. Это так, лестное знакомство: я там, может быть, сойду с хорошими людьми: выиграю по службе, а не то чтобы... А вы уж сейчас и на-поди!..

- Да, да, толкуй! знаем мы тебя! - сказал офицер. - Нет уж, брат, если ты куда забрался, так будет твое. Ловок, злодей: да как это ты?..

- Как же... ловок... - говорил Иван Савич с улыбкой. - Куда мне!.. Эй! человек! четыре бутылки клико сюда!

Иван Савич продолжал являться к баронессе церемонно, во фраке, отодвигался почтительно, когда она слишком близко садилась или подходила к нему, вскакивал с места, когда она вставала, и едва осмеливался дотронуться до ее руки, когда она ему ее подавала.

Он кое-как успокоил и Машу, сказав ей, что она в этом знакомстве не должна опасаться ничего, что он ходит к баронессе затем, чтоб только посидеть, поговорить, провести вечер. Маша покачала головой и не сказала

ни слова, только вздохнула. Он отдал ей назад пятьдесят рублей и прибавил еще столько же.

- Вот лошадь-то опять обошлась не в семьсот, а в восемьсот рублей! заметил Авдей.

Лошадь кое-как сбыли за двести рублей извозчику.

Уж с месяц посещал Иван Савич баронессу, но не позволял себе ни малейшего намека на любовь, или, как он говорил, на что-нибудь такое. А между тем она ему очень нравилась. Он у ней иногда сживал по целому дню, обедал, даже ужинал. Сервировали прекрасно, стол был отличный, вино чудесное. Иногда там бывала сестра баронессы, такая же хорошенькая, как она сама, и две-три приятельницы, еще лучше ее... По вечерам бывали мужчины, принадлежащие к порядочному кругу. Приезжали они очень поздно, сидели долго. Иван Савич редко видел их, потому что он в это время уходил, когда они являлись.

Однажды он сидел у баронессы один.

- Послушайте, - сказала она тем же небрежным тоном, каким говорила в первом свидании, - дайте мне две тысячи рублей, я вам воз-

вращу дня через три.

Иван Савич смутился. Ему совестно было признаться, что у него нет дома такой суммы.

- Я получу пять тысяч не прежде, как недели через три, - сказал он, а теперь... у меня... нет... дома.

- Верно, вы можете у кого-нибудь занять... - продолжала баронесса, мне надо завтра утром эту сумму. Если б можно было ждать до вечера, я взяла бы у графа Судкова. Но, зная вашу любезность, я обращаюсь к вам.

- Конечно-с, - сказал Иван Савич, - я постараюсь завтра утром... даже теперь... но оставить вас...

- Подите... подите... я вас не держу. Если достанете сегодня, будем вместе ужинать.

Иван Савич занял у приятеля на честное слово и привез. Его поблагодарили продолжительным нежным пожатием руки и влажным взглядом... Между тем срок платежа пришел и прошел, но денег не отдавали. Иван Савич стал беспокоиться, но напомнить не смел. Ему прислали деньги от родных, и он заплатил долг.

Один раз он хотел было напомнить, и,

только заикнулся, ему зажали рот хорошенькой ручкой. Он нежно поцеловал ее и затрепетал от радости.

Раз вечером он был в театре. По возвращении домой Авдей сказал ему, что Маша два раза приходила с запиской от баронессы. Явилась сама Маша. Она подала маленькую записочку и стала у дверей. Баронесса звала его ужинать, говоря, что у нее собрались граф Лужин, князь Поскокин, еще секретарь иностранного посольства, ее сестра и две приятельницы.

- Авдей! бриться! мыться! одеваться! скорее приготовь фрак да синий бархатный жилет с золотыми узорами! - закричал Иван Савич.

- Вы пойдете? - робко спросила Маша.

- Разумеется, а что?

- Не ходите, - сказала она печально.

- Это что за новости? Отчего так?

- Мне что-то сердце недоброе вещает. Вы там что-нибудь... вы оставите меня.

- Какие пустяки! Авдей, одеваться!

- Я без вас жить не могу... - сказала встревоженная Маша, взяв его за руку, - не ходите!

- А я без тебя могу! - сердито закричал Иван Савич, отдернув свою руку. - Вот еще!

- Я вас так люблю... - сказала она робко, почти шепотом.

- Это очень глупо - любить! - говорил Иван Савич, намазывая голову помадой.

- Что ж мне делать, я не виновата!

- И я не виноват, что не люблю тебя.

- Что вы обижаете девчонку-то? - сказал Авдей, - ведь и она человек: любит тоже.

- Любит! - сказал еще сердитее Иван Савич, завязывая платком бакенбарды. - Всякая тварь туда же лезет любить! Как она смеет любить? Вот я барыне скажу. Зачем она любит?

- Не могу знать! - отвечал Авдей.

Иван Савич оделся и ушел. Маша села на кресла и долго смотрела кругом, потом горько заплакала.

Авдей вынул зелененькую четырехугольную бутылочку в плетенке, подошел к свечке, налил рюмку и поглядел на свет.

- Эти господа думают, что у них у одних только есть сердце, - сказал он, отпивая из рюмки, - по той причине, что они пьют ликё-

ру! А что в ней? дрянь, ей-богу, дрянь! и горько и сладко; тем только и хорошо, что скоро разбирает! Не хочешь ли маленько испить? авось пройдет!

Маша потрясла головой.

- Напрасно! - сказал Авдей, выпив всю рюмку и подошедши к ней. - Полно тебе, глупенькая: есть о чем плакать! разве не видишь, какой он пустоголовый? Вишь ведь как разбросал всё тут! Плюнула бы на него, право! Эй! перестань, говорю.

Он жесткой рукой отер ей слезы и погладил по голове.

- Ну Бог с ним! - сказала уныло Маша и задумчиво побрела домой.

Маленькая столовая баронессы была ярко освещена огромным канделябром. Там был буфет красного дерева, горка с фарфором и хрусталем, раздвижной стол и больше ничего. Когда Иван Савич подходил к дверям, из столовой слышались пение, крик, смех; говорило несколько голосов. Вдруг человек поспешно пронес мимо его бутылки. "Эге! да здесь никак кутят! - подумал Иван Савич, - а говорят, знатные не кутят!" Он отворил двери

и остановился. За столом, прямо против дверей, сидела сама баронесса. Она была удивительно хороша. Глаза блистали огнем, какого он не замечал прежде, румянец пылал ярче, на губах блуждала улыбка и, казалось, обещала долго блуждать. Шея и плечи были обнажены, грудь сильно поднималась и опускалась. Лицо, костюм, движения, громкий, одушевленный разговор - всё показывало, что она была достойною председательницею пира. Подле баронессы был пустой стул. Далее сидела ее сестра. Подле нее, облокотясь рукой на спинку ее стула, почти лежал граф Лужин с бокалом в руке. Он ей говорил что-то тихонько. Она хохотала... Напротив их, отворотясь к столу боком, сидел князь Поскокин, высокий мужчина с черными бакенбардами. По левую ее сторону секретарь посольства что-то живо бормотал другой приятельнице баронессы, интересно бледной и задумчивой женщине.

- А! - сказала баронесса, увидев Ивана Савича. - Где вы пропадаете? мы не хотели садиться без вас за стол; да вот князь уверил, что вы уж не будете...

- Виноват! - примолвил князь. - Я знал, что мы просидим долго и что вы во всяком случае подоспеете.

- Помилуйте, ваше сиятельство, ничего! - отвечал Иван Савич, раскланиваясь почти-тельно на все стороны.

- Садитесь скорее, полноте раскланиваться! - нетерпеливо закричала баронесса. - Я вам берегла место подле себя. Целуйте же ручку! да будьте живее. Ах, Боже мой! вы ни на что не похожи. Будьте как дома, без церемонии.

- Я и так... - сказал Иван Савич и, не кончив фразы, сел на стул.

- Messieurs, - сказала баронесса гостям, - рекомендую вам monsieur Поджабрина, отличного молодого человека.

- Очень рад! - сказал князь, не поворачивая головы.

Граф молча кивнул ему и шепнул что-то на ухо своей соседке. Та захохотала, а Иван Савич покраснел. Дипломат, открыв немного рот, смотрел с любопытством, как Иван Савич кланялся, говорил и как сел.

- Где же ваше вино? Monsieur... monsieur... - сказал граф.

- Меня зовут Иван Савич. Про какое вино, ваше сиятельство, изволите спрашивать?

- Нет, не нужно! - перебила баронесса. - Эти господа, - сказала она Ивану Савичу, - сделали мне своим посещением приятный сюрприз, и всякий привез свое вино. Они думали, что и вы знаете...

- Позвольте-с... я сейчас... - сказал Иван Савич и с салфеткой побежал в переднюю, чтобы послать за вином.

- Ваше здоровье, милая Амалия! - закричал через стол князь и выпил бокал.

- Мерсі, - отвечала соседка графа. - И я пью ваше.

И выпила свой бокал одним духом.

- Ради Бога, не пейте за мое: я и так не знаю, что со своим здоровьем делать! - сказал князь. - Ничто не помогает убавить этой массы. - Он указал на свое тучное тело. - Да, я пре-двигу, - продолжал князь, - что мое здоровье убьет меня.

- Побольше вот этих подвигов, - сказал граф, указывая на бутылку, - и ты убьешь его.

- Le comte vient de dire quelque chose de drôle? n'est-ce pas?2 сказал дипломат своей со-

сидке.

- И! для меня это ни больше ни меньше как гимнастическое упражнение, как моцион, - отвечал князь, - я знаю, что нынешний вечер прибавит мне два года жизни.

- Счастливец! а я как выпью лишней бокал, на другой день голова трещит, - заметил граф, - никак не могу пить.

И выпил. И все выпили.

- Еще вина! - сказал князь человеку, отдавая бутылку.

- А вы что ж не пьете? monsieur... monsieur... - говорил князь, обращаясь к Ивану Савичу.

- Monsieur Поджабрин, - подсказала баронесса.

- Как? - спросил князь.

- Поджабрин.

Князь взглянул на графа, тот в ответ чуть-чуть пожал плечами.

- Меня зовут Иван Савич! - отвечал Поджабрин.

- Да! Иван Савич, в самом деле, что ж вы не пьете? у вас всё тот же бокал! - заметил резко граф, - если это так продолжится, вы - mille

pardons3 - будете здесь лишний.

Иван Савич смутился, не успел проглотить куска дичи, залпом выпил бокал и закашлялся.

- Я, ваше сиятельство, не прочь! - сказал он, - я буду пить-с, я тоже люблю жуировать. Жизнь коротка, сказал один философ.

- Qu'est-ce qu'il dit?4 - спросил дипломат у соседки.

- Стыдитесь, monsieur... monsieur... - начал князь.

- Иван Савич, - подсказал Поджабрин.

- Стыдитесь, Иван Савич! дамы выпили по пяти бокалов, а вы еще один.

- Он догонит! - закричала баронесса. - Извольте, милый сосед, пить сряду пять бокалов. Я буду вашей Гебой.

Она схватила бутылку и стала лить...

.....

- Monsieur... Шене! - сказала баронесса через минуту, - вы обещали нам спеть куплеты Беранже. Прошу не забывать.

- Mais il n'y a pas de piano ici,5 - отвечал дипломат.

- Оно в соседней комнате: мы велим отво-

ритель двери и придвинуть его поближе сюда.

Отворили двери и придвинули фортепиано. Француз запел...

Князь повторил refrain.6

- Bravo, bravo, Шене! - закричал он. - Что за дьявол этот Беранже! пожил и других учит жить: да чего больше? пить, любить, обманывать друг друга: тут вся история и философия рода человеческого.

- Как ты глуп сегодня, князь, со своим Беранже, - заметил адъютант. Посмотри, соседка твоя дремлет...

- Если она заснет, - заметил граф, - ты, князь, отвечаешь за нее: откуда хочешь возьми женщину, а то кадриль не полна - хоть сам надевай юбку.

- C'est joli,7 - сказал дипломат, - ah! se comte!8

- Славная идея! нарядить князя дамой! - решила баронесса.

- Право, так! - закричал граф.

- Весело! ей-богу, весело! - громко сказал опьяневший Иван Савич. Вот кутят так кутят!

- Que veut dire9 кутят? - спросил дипломат.

- Что? - спросил граф.

Иван Савич струсил.

- Весело, ваше сиятельство, говорю я, - отвечал он.

- Его бы тоже не мешало нарядить дамой, - сказал князь, указывая на пустой стул, но желая указать на Ивана Савича. - Он будет похож на твою тетюшку, граф, на Настасью Федоровну. Согласны, monsieur... monsieur... monsieur...

- Иван Савич! - подсказал он. - Очень хорошо, ваше сиятельство, почему не согласиться. Кутить так кутить!

Принесли ночные чепцы, кофты, скинули фраки, жилеты и нарядились.

- Bravo, bravo! - кричали все, хлопая в ладоши.

- Если бы бакенбарды долой, - сказал граф, - ты, князь, был бы совершенной женщиной, только не княгиней, а пуассардкой. А вы, Иван... Иван...

- Иван Савич, - договорил Поджабрин.

- Иван Савич, вы... ах, знаешь, князь, он точно очень похож на мою тетюшку! ха! ха! ха! право, она!

И оба с князем, указывая на Ивана Савича,

хохотали и кричали: она! она!

- Да, в самом деле! - сказал князь, - ну, ты, граф, не будешь теперь так повесничать перед ее подобием.

- Жизнь коротка! надо жуировать! - неистово закричал Иван Савич в кофте и в юбке.

Никто ничего не понимал, и постороннему нельзя бы было разобрать ничего. Все хохотали, глядя друг на друга.

.....
.....

На другой день было прекрасное осеннее утро. Иван Савич проснулся, хотел открыть глаза и не мог. Голова была налита как будто свинцом. Наконец мало-помалу он поднял веки... Пробыло двенадцать часов. Иван Савич тихонько встал, подошел к зеркалу - и отскочил: на нем кофта, ночной чепец...

- Ого! как кутнули! - сказал он. - С нашими так никогда не удавалось; этакой рожи у меня еще не бывало!!.

Он покачал головой.

- Что скажут наши? Лучше не говорить им... Он провел рукой по волосам, надел свой

фрак и пошел...

Идучи по лестнице, он встретил какую-то женщину под вуалью. Она с девкой шла вверх. Девка сказала барыне какое-то замечание на его счет...

- Кто это? - спросила барыня.

- А жилец, что под нами живет, - отвечала девка. - На них и праздника нет. У баронессы, слышь, целую ночь такой пир был...

- Под праздник-то!

В это время дверь захлопнулась.

- Авдей! - сказал Иван Савич, - дай мне рюмку ликеру да разбуди меня к обеду.

- Ликёры нет, вся вышла! - отвечал Авдей.

- Как вышел! еще третьего дня там оставалось.

- Вы выкушали последнюю рюмку.

- Когда?

- В последний раз.

- Смотри: уж не ты ли, друг?

- Стану я этакую дрянь пить! - сказал Авдей и плюнул. - Я еще отроду никакого вина не пивал.

- Кто это над нами живет? - спросил Иван Савич.

- Не могу знать!

- Узнай!

Иван Савич долго не являлся к баронессе. Наконец через неделю он отправился к ней. Там он застал ее сестру и Жозефину.

- А! сосед! - сказала баронесса, - что это вас так давно не видать? Я хотела посылать за вами...

- Я, баронесса, теперь в нужде, - перебил ее Иван Савич, - и пришел просить вас: не возвратите ли вы мне мои деньги?..

- Деньги?..

Она с изумлением посмотрела на него.

- Да, две тысячи рублей, что вы у меня заняли.

- Я заняла! Опомнитесь! неужели вы еще не протрезвились? Напротив, я хотела спросить вас, скоро ли вы мне отдадите семьсот рублей за лошадь?

Иван Савич остолбенел.

- За лошадь? - повторил он.

- Да, за лошадь.

- Я не шучу, баронесса! - сказал он.

- И я нет, - отвечала она.

Он посмотрел на нее серьезно, она на него

тоже. Он пошел вон. Сзади его раздался дружный предательский хохот трех красавиц.

- Неблагодарный! каков! - слышалось вслед за тем.

Иван Савич хлопнул дверью и пошел к себе.

- Не поискать ли нам другой квартиры, Авдей? - спросил он.

Авдей перепугался.

- Помилуйте, сударь! - воскликнул он, - еще полгода нет, как здесь живем. Где сыщешь такую квартиру? Удобство всякое: и сарай особый, и ледничек от хозяина дают, и соседи хорошие, а уж соседки - и говорить нечего...

- Да... нечего и говорить!.. - повторил, пожимаясь, Иван Савич.

Через несколько дней он опять на лестнице встретил ту же женщину под вуалью.

- Кто это там вверху живет? узнал ли ты? - спросил он Авдея.

- Барышня живет какая-то. Такая смиренная, словно никого нет: ни стукнет, ни брякнет.

- Так она барышня? Узнай хорошенько, кто она.

Авдей узнал и сказал, что барышня живет

с девушкой и с кухаркой, тихо, скромно, что ее не слышать, что в гостях у ней бывают все женщины и т. п.

- Как бы побывать у нее?

- Не могу знать.

- Не могу знать! Это немудрено. А ты моги...

Послушай-ка! не пахнет ли здесь как будто дымом?

- Нет-с! - сказал Авдей, поворачивая нос во все стороны, - не пахнет.

- Ну как не пахнет? слышишь?

- Нет-с, не слышу - не пахнет.

- Наладил одно: не пахнет! Если я говорю пахнет, так, стало быть, пахнет.

- Не пахнет... - сказал Авдей, нюхнув еще.

- Да именно пахнет: это, должно быть, сверху прошло! Узнай-ка поди. Долго ли до пожара? Да нет, стой! я сам узнаю.

Он отправился вверх.

- Ну, пошел! - ворчал Авдей, - уродится же этакой!..

И махнул рукой.

Иван Савич вошел в переднюю верхней жилицы. Там никого не было. Налево был маленький коридор, который вел, по-видимому,

в кухню. Иван Савич остановился. Оттуда раздавался довольно приятный голосок.

- Не надо мне петуха! - говорил голосок. - Зачем ты петуха купила? Я тебе велела курицу купить; а это, видишь, петух! всё по-своему делаешь!

- Да мужик-то знакомый, матушка, - отвечал другой голос, - наш ярославский. Пристал: купи да купи; петушок, говорит, славный.

- Не хочу я петуха: петухи жестки!

- И нет, матушка, этот еще молоденький, словно цыпленочек.

Иван Савич решился проникнуть дальше. Появление его произвело значительный эффект.

- Ах! - закричала барышня, закутываясь одной рукой в большой желтый платок, а другой держа петуха. - Что вам угодно? кто вы таковы?

- Я-с... мое почтение... я живу здесь под вами...

- Что ж вы, милостивый государь, ходите по чужим квартирам? - начала она, пряча под платок руку с петухом. - Вы думаете, что я беззащитная девушка, без покровителя, что ме-

ня можно всякому обидеть? Извините, вы ошибаетесь! Позвольте вам сказать: у меня есть кому вступиться, и я не позволю... За кого вы меня принимаете? с какими намерениями?

Иван Савич перепугался. Он забыл, зачем пришел.

- Извините-с... -начал он, -я... только пришел спросить... вот извольте видеть... мне... того-с...

- Что того-с? На, Устинья, курицу... Что ж ты не возьмешь?

- Ведь это петушок-с? - робко спросил Иван Савич.

- А вам что за дело? вы почему знаете?

- Я слышал от человека, что ваша кухарка ошибкой купила петушка... не угодно ли поменяться на курочку?

- Какая дерзость! - воскликнула барышня, пожимая плечами, - Боже мой! до чего я дожила за мои грехи! За что Ты меня так карает? Как вы осмеливаетесь говорить мне такие речи? Вы пришли обижать меня? Что ж это такое...

Она начала плакать.

- Позвольте, сударыня, - сказала кухарка, - они за делом пришли: может, у них в самом деле куплена курица, - вот бы и поменялись! А почем изволили платить?

- Нет-с... позвольте... я объясню вам настоящую причину, - сказал Иван Савич. - Я пришел спросить... У меня, извольте видеть, вдруг запахло дымом... Так столбом и ходит по комнатам. Я думал, не от вас ли...

Барышня и кухарка подняли носы кверху и стали нюхать во все стороны. С ними для компании нюхал и Иван Савич.

- В самом деле пахнет! - сказала встревоженная барышня, - уж не пожар ли? поди-ка сбегай к верхним жильцам.

- Ах, мои матушки! так глаза и ест! Чего доброго: долго ли до греха? сказала Устинья и побежала.

- Постой, постой! Что ж ты нас оставляешь одних? - закричала барышня в испуге. - Что скажут? Ах, Боже мой! Уйдите!..

- И, матушка! ничего! барин хороший, - сказала Устинья и ушла.

- Помилуйте... - начал Иван Савич.

Он не знал, что сказать, и стал застегивать

сюртук; а она перебирала бахрому своего платка.

- Давно здесь изволите жить? - спросил он потом.

- Давно. Я еще с покойным папенькой жила здесь. Слава Богу! про нас никто не может недоброго слова сказать. Вот сегодня в первый раз незнакомый мужчина пришел без позволения...

- Если б я знал, каким образом достигнуть этого драгоценного позволения, - начал Иван Савич, смиренно опустив глаза в землю, - я бы ничего не пощадил...

- Я никого почти у себя не принимаю, - сухо сказала она, - кроме сестры с мужем, крестного и его племянников...

- О, я уверен!.. Я пришел единственно насчет дыму... Но, признаюсь, поговоривши с вами несколько минут... невольно хочешь видеть вас чаще...

- У вас и без меня есть знакомство... я видела однажды, как вы вышли от баронессы, - сказала она колко и с достоинством.

- Баронесса! О! - с жаром начал Иван Савич, - я давно с ней не знаком. Если б вы зна-

ли, как я был обманут наружным блеском...

Он стал ей рассказывать, что с ним случилось. Она презрительно качала головой. Когда он хотел описывать пир, она замахала рукой.

- Ради Бога, перестаньте! перестаньте! - закричала она, обидевшись, что вы? Помните, с кем говорите! За кого вы меня принимаете? Я вас не понимаю...

Иван Савич замолчал.

- Так две тысячи рублей и пропали? - спросила она потом с любопытством.

- Пропали-с.

- И еще семьсот рублей?

- Да-с... нет-с, пятьсот рублей только: ведь я лошадь продал за двести рублей.

- Какая жалость! Какая мерзавка! - сказала она, - как терпят таких тварей? И вот необходимость принуждает и честную девушку жить под одной кровлей с такой бесстыдницей!

Она концом платка отерла глаза.

- Так вы больше с ней не знакомы?

- Нет-с. Да если б и был еще знаком, то до-вольно услышать от вас одно слово, чтоб пре-

кратить...

- Благодарю вас за комплименты, - перебила барышня сухо, - только я их никогда не слушаю. Стало быть, у вас большое жалованье, - спросила она, помолчав, - что вы можете по две тысячи рублей бросать?

- Жалованье? У меня нет жалованья-с.

- Как нет?

- Так-с. Мне не дают.

- Не дают! Как же смеют не давать?

- Так-с. Я не получаю.

- Стало быть, сами не хотите?

- Нет-с, я бы, пожалуй... да не положено...

- Для чего же вы служите?

- Из чести-с.

- Чем же вы живете?

- Своим доходом, - сказал он.

- А! у вас есть свои доходы! - примолвила она. - Как это приятно!

Тут Устинья пришла сверху и сказала, что дыму нигде не оказалось.

Иван Савич стал раскланиваться.

- Извините, что потревожил вас... - сказал он. - Если б я имел надежду на позволение видеть иногда вас... я бы почел себя счастли-

ВЫМ...

- Это позволение зависит от моего крестного папеньки, - сказала она, если им угодно будет позволить принимать вас по четвергам, когда у меня собираются родные, тогда они дадут вам знать; а без того я не могу... И при том вы должны обещать, что никогда, ни словом, ни нескромным взглядом, не нарушите приличий... Обо мне, слава Богу, никто не может дурного слова сказать...

- О, клянусь! - сказал Иван Савич и ушел.

- Авдей! ведь верхняя-то жилица недурна, - сказал он, воротясь к себе, - только немного толстовата или не то что толстовата, а у ней, должно быть, кость широка! Не первой молодости. Как ты думаешь?

- Не могу знать!

- А какая неприступная! просто медведь.

Прошла неделя. От крестного папеньки не приходило никакого известия. Ивана Савича так и подмывало увидеться с жилицей. Но как?

- Как бы это сделать, Авдей? - спросил он.

- Не могу знать... Да позвольте, сударь, - сказал он, желая угодить барину, - никак ды-

мом пахнет... - И нюхнул.

- Э! стара штука! ты выдумай что-нибудь поновее. А! я выдумал. Постой-ка, я пойду, - сказал Иван Савич и отправился вверх.

Он тихонько отворил дверь.

- Кто там? - слышалось из комнаты.

Он молчал.

- Кто там? - раздалось громче.

- Это я-с, - сказал он тихо.

- Да кто я-с? разносчик, что ли? Ах! не нищий ли уж?

В зале слышалось движение, и барышня выбежала в переднюю.

- Ах, это опять вы? - сказала она.

- Я самый-с.

Она была уже не в утреннем капоте и не в папильотках, как в первый раз, а в черном шелковом платье, со взбитыми локонами. В одной руке держала не петуха, а маленькую собачку, в другой - книжку. Собачонка так и заливалась-лаяла на Ивана Савича.

- Что вам угодно? - сказала она. - Помилуйте! Молчи, Жужу! Как вы со мной поступаете? За кого вы принимаете меня? Молчи же: ты выговорить слова не дашь! Этого еще не бы-

вало, чтобы чужой мужчина осмелился... в другой раз... а? На что это похоже? С этой собачонкой из терпенья выйдешь. Средства нет никакого!

Она пустила ее в комнату.

- Я только пришел спросить... - начал Иван Савич.

- Что спросить? Помилуйте! со мной никто так не поступал...

- Я только хотел узнать, не колете ли вы здесь дрова...

- Я колю дрова! а! каково это? Вы хотите обижать меня, бедную девушку: думаете, что меня некому защитить. Я крестному папеньке скажу. Он коллежский советник: он защитит меня! Я колю дрова!..

- То есть не колют ли у вас? - перебил Иван Савич, - у меня раздается так, что стены трясутся; того и гляди, штукатурка отвалится... задавит...

- Мне дрова рубит дворник в сарае, - отвечала она. - Я плачу ему два рубля в месяц - вот что. А это, верно, у соседей...

- Ах, так виноват! - сказал Иван Савич, раскланиваясь, и остановился. - Позвольте спро-

силь, что это за книжечка? - спросил он нежно.

- Это "Поучительные размышления"... Мне папенька крестный на прошлой неделе в именины подарил.

- А какой святой праздновали на прошедшей неделе, позвольте спросить?

- Прасковьи, двадцать восьмого октября. Меня ведь зовут Прасковьей Михайловной.

- Вот вы нравоучительные книги изволите читать, Прасковья Михайловна, а я так всё философические...

- Уж хороши эти философические книги! я знаю! Мне крестный сказывал, что философы в Бога не веруют. Вот пусти вас к себе: вон вы что читаете!

И она отступила.

Иван Савич сделал шаг вперед. Она отступила еще. Он за нею - и очутился в комнате.

- Наконец я у вас... - сказал он торжественно, - ужели это правда?.. я как будто во сне...

- Ах! - сказала она, - вы уж и вошли! Каковы мужчины! Вы, вероятно, думаете, что я рада, что хотела этого? Не воображайте!

- Помилуйте... осмелюсь ли я? Я только

умоляю: не лишите меня счастья...

- Как это можно! Ах, Господи! - начала она, садясь на диван. - Что скажут? про меня никто никогда не слыхал дурного слова, а тут этакой срам: чужой мужчина в другой раз...

- Скажут-с... что я приходил узнать насчет дров: ведь всякий дорожит своим спокойствием... согласитесь сами, Прасковья Михайловна... убедительно прибавил Иван Савич и сел.

- Оно, конечно... - начала она, - позвольте узнать, как вас по имени и отчеству? Ах! да уж вы и сели?

- Меня зовут Иван Савич, - сказал он.

- Оно, конечно... Иван Савич. Но посудите сами: ведь я девушка, мне двадцать второй год, я дочь честных родителей, живу одна, и обо мне никто дурного слова не слыхал. Что могут подумать?..

- Так-с, так-с! Боже меня сохрани спорить... но я человек смирный, живу тоже один... Почему ж мне, как соседу, не позволить иногда прийти время разделить. Особенно же теперь наступает зима... вечера длинные...

- Неужели вы думаете, - сказала она, - что я позволю вам сидеть у себя по вечерам одним?

Вы ошибаетесь!.. За кого вы меня принимаете? Другое дело по четвергам, если крестный позволит.

- Что же вам по вечерам делать одним? Всё читать да читать - надоест. Разве вы бываете в театре?

- Очень редко: на масленице крестный берет ложу, если пьеса, знаете, такая, где нет ничего... Ведь нынче женщине и в театр, не знавши, нельзя пойти... Бог знает что представляют...

- Да-с, - перебил Иван Савич, - это правда: вот я был в тот вечер, как мы кутили у баронессы...

- Ах! вы мне опять про этот гадкий вечер, опять про баронессу: я и знать и слышать не хочу... увольте...

- Виноват-с: я хотел сказать, какую ужасную пьесу давали: поверите ли? я едва высидел.

- Вы не высидели! - сказала Прасковья Михайловна, - можно вам поверить!

- Уверяю вас! Вы не знаете меня. Я краснею от всякого нескромного слова... Так в этой пьесе, говорю, один объясняется в любви...

- Ах, Боже мой! - закричала Прасковья Михайловна, вскочив с дивана, что вы, что вы? Опомнитесь! кому вы говорите?.. Что это за ужась такая! Вот пусти вас... все мужчины одинаковы. Вы думаете, что я живу одна, так меня можно обижать?..

"У! какая добродетель! - подумал Иван Савич, - вот бы счастье понравиться этакой!.."

- Помилуйте! - сказал он, - я? обижать? О, вы меня не знаете: обидеть женщину не только делом, даже нескромным словом так низко, так гнусно... что я слова не найду: вот мои правила! Поверьте, мне всегда возмущает душу, когда я слышу, что какой-нибудь развратный человек...

- Ах, Боже мой, что вы? опять! - закричала Прасковья Михайловна, зажимая уши, так, однако, что оставила маленькую лазейку.

- Я хочу сказать, - торопливо прибавил Иван Савич, - когда развратный человек воспользуется слабостью неопытной девушки! Вот мои правила!

- Замолчите! замолчите! о чем вы мне говорите? я и слышать не хочу о ваших правилах. Вспомните, что я девушка: я не должна

понимать и не понимаю ваших слов.

- Но согласитесь, Прасковья Михайловна, - начал Иван Савич тоном убеждения, - что если девушка не хочет слышать, какого рода опасность угрожает ее добродетели, то ведь она легко может...

- Ах, какой ужас вы говорите! Девушка не может подвергнуться опасности, когда не хочет даже слышать о ней... а не то чтобы...

- Что-с: не то чтобы?..

- Ну, то есть... ах, да вот и крестный! Здравствуйте, крестный!

В комнату вошел дородный человек лет пятидесяти, седой, с анненским крестом на шее.

- А, да у тебя гости? - сказал он и боком поклонился Ивану Савичу, поглядывая на него исподлобья.

- Это сосед, что подо мной живет, - отвечала Прасковья Михайловна.

- Ась?

- Сосед, Иван Савич, пришел узнать, не колют ли здесь дрова: он желает познакомиться со мной. Я без вас не смела, крестный. Кажется, хороший человек! - шепнула она.

- Где изволите служить? - спросил крестный.

Иван Савич сначала замялся, наконец проворчал название своего департамента.

- А! - сказал чиновник, - у вас начальник отличный человек! умная голова! и барин, настоящий барин! Вот бы послужить при этом! Да позвольте-ка: никак вчера... нет, третьего дня... или вчера?.. что это я забыл! Да, точно вчера: от вас получено к нам отношение. Кто это писал его у вас? Ну, пройдоха, нечего сказать: такой крючок загнул! Вот, изволите видеть: по нашему ведомству один чиновник попал под суд. Он прежде служил у вас и там был под следствием. В аттестате-то глухо насчет этого сказано. Вот мы и обратились к вам с просьбою о доставлении ближайших сведений по сему делу. Ну и получили же от вас бумагу! Ах ты, Господи! есть же ведь люди - как пишут! Написан лист кругом, а точнейших сведений нет никаких. Я нарочно списал себе эту бумагу...фу-ты, как славно написана! Дай-ка, Параша, водочки. Не прикажете ли?

- Нет-с, покорно благодарю.

- Ась?

- Покорно благодарю. Я не пью, - сказал Иван Савич.

- А кто у вас начальник отделения? - спросил чиновник.

- Стуколкин, - отвечал Иван Савич.

- Матвей Лукич! - с удивлением подхватил крестный, - ба-ба-ба! Да неужели уж он начальник отделения? Давно ли? Скажите, ради Бога! как судьба-то иной раз... Ну что это такое! Вообрази, Параша: Матвей Лукич, два года тому назад, был у нас столоначальником, и еще не из самых бойких, а так себе! а теперь, а? Да, душенька, я забыл сказать... Петр Прокофьич звал нас с тобой завтра на вечеринку. Там потанцуют; а у нас добрый вистик составлен: три начальника отделений, только я один чиновник особых поручений попался! А в четверг они у нас.

- Ах, крестный, как это весело, как весело! - заговорила, припрыгивая, с детской радостью Прасковья Михайловна, что было ей немного не под лета. Но ей хотелось пококетничать перед Иваном Савичем.

- Вот и вы, милостивый государь, пожало-

вали бы к нам в четверг, сказал он, обращаясь к Ивану Савичу, - если вам не скучно будет.

- Помилуйте! скучно! можно ли?.. за счастье почту...

- Ась?

- Непременно, мол, воспользуюсь... - сказал Иван Савич, раскланиваясь и уходя.

- Авдей! кажется, я пожуирую... - говорил он, возвратясь домой.

- Не могу знать! - отвечал Авдей.

- Только это, брат, совсем не то... тут будет что-то чистое, возвышенное, так сказать, любовь лаконическая...

- Э! ну вас тут, раздуло бы горой... - ворчал про себя Авдей.

- Как же ты с знатной барыней кончил? - спросил Вася, когда Иван Савич рассказал ему о новой соседке.

- Что, братец, знатные барыни! Это утомило меня. Вечно приличия, этикет, знаешь, всегда навтытяжку... Графы да князья... большой свет... не хочу! Бог с ними! я люблю свободу... так и отстал.

- Напрасно! - сказал Вася, - ты бы мог познакомить меня; там бы ты много выиграл...

Эх, не умел: как же и выходят в люди?.. Э-э!

- Конечно! - сказал Иван Савич, - оно бы можно было: у ней иногда бывают из дипломатического корпуса. Вот в последний раз я ужинал вместе с секретарем посольства... что за здоровяк такой! вот жуир-то! звал в Париж.

В четверг, в восемь часов вечера, Иван Савич явился к соседке. Там всё имело вид торжественного собрания. Стеариновые свечи, не зажигаемые по другим дням и скромно стоящие на столике у зеркала, разливали яркий свет по комнате. Чехлы с дивана и четырех кресел были сняты. В гостиной, на столике, горела крашенная жестяная лампа и стояли две тарелки с вареньем. Там был диван, обитый зеленым полумериносом, и двое таких же кресел. Наружный вид их манил к спокойствию и неге. Казалось, как опустишься, так утонешь там и не встанешь. Кто быстро опустился на диван с этою мыслию, тот вскакивал еще быстрее, думая, что он сел на камень: так хорошо сделаны были пружины, которые торговцы Апраксина двора величают аглицкими. В гостиной могло поместиться сче́том пять человек, ни больше ни меньше. Далее

была еще комната... Потом ширмы, а из-за них выглядывал уголок белой как снег подушки: то было девственное ложе Прасковьи Михайловны. Она смело могла бы надписать девизом:

К моей постели одинокой
Не крался в темноте ночной...

В зале крестный папенька Прасковьи Михайловны играл в одном углу в вист с мужем сестры хозяйки и еще двумя чиновниками, которые были с ним очень почтительны. В другом углу девушка разливала чай. Дамское общество было в гостиной. На диване сидела старшая сестра Прасковьи Михайловны, женщина высокого роста, прямая, как вежа, потом хозяйка и еще две какие-то девицы. Около них любезничали два племянника крестного папеньки - один студент, другой юнкер. Дамы сидели, мужчины стояли, потому что негде было сесть. Играли в фанты.

- Вы, конечно, с нами останетесь, с молодыми людьми? - сказала Прасковья Михайловна Ивану Савичу с детскою резвостию, - что вам там делать со стариками? Не прикажете ли варенья? Молчи, Жужу! ах, скверная собачон-

ка! Вы погладьте ее только один раз, а там уж она привыкнет к вам. Вот так.

- Ах! да она кусается! - сказал Иван Савич, отдернув руку.

- Нет-с, никогда.

- Помилуйте! вот, посмотрите, до крови.

- Ах ты дрянь! вот я тебе ужо розгу дам! - сказала Прасковья Михайловна. - Не угодно ли с нами в фанты? Вы будете, хоть... что бы? мы играем в туалет - все вещи разобраны... ну, будьте гребень.

- Да это я взяла! - пропищала одна маленькая девочка.

- Ты, та шиге, гребеночка, а они будут частый гребень. Так вы частый гребень.

- Очень хорошо-с, - сказал Иван Савич.

Принесли еще два стула, поставили у дверей и стали играть. При словах: барыня спрашивает весь туалет, все бросились менять места. Ивану Савичу не раз доставалось бросаться со всего размаху на диван с камнем внутри. Он быстро вскакивал, а другой или другая, зная хорошо это седалище, проворно, но осторожно садились на его место, а он оставался.

Иван Савич познакомился со всеми. Чи-

новникам он рассказал про свой образ жизни, и те немало завидовали ему.

- Утром я встаю в десятом часу, - говорил он хвастливо, - иногда хожу в должность, иногда нет, как случится... потом-с часа в три иду гулять на Невский проспект. Там, знаете, весь beau monde¹⁰ гуляет тогда, встречаешь множество знакомых, с тем слово, с другим два. Зайдешь к Беранже иностранные газеты прочитать: об испанских делах, о французском министерстве... Так время неприметно и пройдет до обеда.

- А позвольте спросить, кто теперь министром у французов? - спросил крестный.

"Министром? А черт его знает!" - подумал Иван Савич. - Теперь-с... начал он и остановился.

- Ась? - спросил крестный.

- Теперь... министерство распущено, - вдруг сказал Иван Савич, как будто по вдохновению, - никого нет.

- Стало быть, товарищи управляют, - примолвил тот.

- Там ведь одно министерство, - сказал Иван Савич. - Как, неужели? И один министр?

- Нет-с, много.

- Много! какая диковинка...

И пошли толки о том, как это должно быть неудобно.

- Потом, - продолжал Иван Савич, - иду обедать к Леграну или к Дюме. Тут соберутся приятели, покутим, вечер в театре: так и жуируем жизнь...

- Вот живут-то! э! - сказал с завистью один чиновник, - пожил бы так! а то в восемь часов иди в должность да и корпи до пяти! Заживо умрешь.

- Что должность: сухая материя! - примолвил Иван Савич. - Жизнь коротка, сказал один философ: надо жуировать ею.

Иван Савич признан был всем обществом за любезного, фешенебельного и вообще достойного молодого человека. Крестный особенно был ласков с ним.

Иван Савич благодарил его за дозволение бывать у его крестницы по четвергам.

- Сам я не надеялся получить это позволение, - начал Иван Савич, Прасковья Михайловна так боязливы...

- Ась?

- Прасковья Михайловна так боязливы...

- Оно не то что боязлива, извольте видеть... - отвечал крестный, - а того... получила от отца фундаментальное воспитание. Мать была, правда, баловница, - не тем будь помянута, - да умерла рано; а покойник-то отец, мой сослуживец, уж коллежский советник, - вот он был строг, не любил баловать. Он ее и приучил к аккуратности и воздержанию. Не будь его, смоталась бы, чисто смоталась бы девка. Да он, - царство ему небесное, был с правилами человек и ей внушил. А то она...

- Что такое? - спросил Иван Савич.

.....

.....

После этого вечера Иван Савич решился прийти и не в четверг. Его встретили градом упреков и в то же время сняли со стула шаль и ридикюль, чтобы очистить ему место. Он повторял эти визиты в неделю раз, потом чаще и чаще. Прием всегда был одинаковый. Наконец однажды он решился приступить к объяснению. Был зимний вечер. Всё было тихо кругом. Кухарка спала у себя в кухне. Горничная ушла к соседям в гости. Сама Праско-

вья Михайловна сидела на диване и шила в пальцах. Иван Савич сначала сидел напротив нее, потом у него в голове мелькнули какие-то соображения, и он сел рядом с ней на диване, так что ему был виден затылок и вся спина соседки. Он открыл, что косыночка не доходила вплоть до платья и часть плеча оставалась обнаженной. Он уж был откровенен с Прасковьей Михайловной, говорил ей о дружбе, о любви, - не к ней, а вообще. Она сначала зажимала уши, кричала, потом не зажимала ушей и не кричала, но зато ничего не отвечала, так что Ивана Савича брало зло. Он решился заговорить о любви к ней. Для этого-то он и пересел рядом, чтобы, в случае неблагоприятного приема своих объяснений, избежать грозных взоров оскорбленной добродетели.

- Прасковья Михайловна! - сказал он.

- Чего изволите?

- Вы... бывали влюблены?

- Что вы это? опомнитесь: ведь я девушка.

- Так что же? разве девушки не влюбляются?

- Не должны! - сказала она строго, - пока ни

за кого не помолвлены.

А сама так и сновала иглой, то вверх, то вниз.

- Да ведь любовь иногда не ждет помолвки.

- Об этом и думать не должно! - сказала она.

- Ну да неужели вам никто не понравился?

Молчание.

- Прасковья Михайловна!

- Чего изволите?

- Неужели вы не любили никогда?

Молчание.

"Экая дубина! - подумал Иван Савич, - хоть бы что-нибудь... хотя бы плюнула. Брякнуть ей о писаре разве? да нет, подожду, еще что будет".

- А я думал... - начал он, - я надеялся, что, может быть... я удостоюсь... что постоянная моя внимательность будет награждена...

- Что это сегодня как будто на вас нашло? - сказала она. - Бог знает что вы говорите! Не пора ли вам домой? десятый час.

- Зачем мне домой! что я там стану делать?

- Заниматься науками.

- Нет-с, я не уйду, пока не выскажу... всего...

я... вы... мы... знаете, Прасковья Михайловна, любовь двух душ есть такая симпатия... это, так сказать, жизненный бальзам. Почему бы? скажите, - о, скажите хоть одно слово!

Она молчала.

"Ну видано ли этакое дерево?" - думал он. - Вы камень, вы лед... почему бы вам не разделить с человеком счастья? почему не пожуровать? Жизнь коротка, сказал один философ...

- Ах, что вы? - вскричала она, закрыв лицо руками. - Боже мой! если б увидали...

- О, разделите это чувство, несравненная Прасковья Михайловна! кричал Иван Савич, - которое бушует в моей груди... вы не знаете, как я страдаю... одна мысль быть подле вас, жить вечно с вами приводит меня... О! вы не понимаете...

- Не говорите, не говорите! - кричала она, зажимая уши. - Боже мой! что вы, что вы? Вечером, я одна... Что подумают?

- Но скажите одно слово, одно, дайте ответ! - говорил Иван Савич, - и я готов ждать хоть до утра...

- Я! ответ! чтоб я теперь дала ответ! Вы не

падают моей скромности! Боже мой! Теперь, вечером, с такими объяснениями... Ответ! Нет, нет, лучше подождите хоть до завтра. Или нет, в среду утром, в двенадцать часов, вы получите ответ...

Иван Савич пришел в восторг.

- Несравненная Прасковья Михайловна! - сказал он, - как благодарить вас?.. о! счастье! Вот что значит жуировать жизнь! Это истинное, высокое, так сказать, сладостное...

Он не вытерпел и поцеловал ее руку.

- Ах! - воскликнула Прасковья Михайловна, и иголка выпала из ее рук. Что вы сделали? Вы, вы опозорили меня... Как! так рано, прежде моего ответа! Это ужасно! Приходите в среду, я вас жду, а теперь уйдите, уйдите!

Она убежала в спальню и заперлась.

"В среду так в среду, - подумал Иван Савич. - Да что ж она испугалась так? не всё ли равно, что сегодня, что через три дня..."

На третий день после того Авдей доложил Ивану Савичу, когда этот воротился из должности, что дворник зачем-то пришел.

- Что ты, любезный? - спросил Иван Савич, вышедши в переднюю.

Дворник глупо улыбался, кланялся, держа обеими руками шапку, но ничего не говорил.

- Что тебе надо?

- Поздравить вашу милость пришел.

- С чем? - спросил с удивлением Иван Савич.

Дворник опять начал кланяться, улыбаться.

- Авдей! с чем это он меня поздравляет?

- Не могу знать! - отвечал Авдей.

- С добрым делом: с скорым вступлением в законный брак, батюшка!

- Что-о?

- В законный брак...

- Как? с кем? что ты? с ума, что ли, сошел?

- Никак нет, батюшка. Слышь, с верхней нашей жиличкой, Прасковьей Михайловной...

- Как!

Иван Савич остолбенел.

- Кто ж тебе сказывал? - спросил он.

- Соседка Прасковьи Михайловны давеча встретила меня. "Что, говорит, у вас скоро свадьба?" - да и рассказала... слышь, завтра помолвка будет... Еще приказчик от меховщика,

что напротив нас, сказывал: вишь, сегодня сама Прасковья Михайловна была там. Они давно торговали у них мех, да всё не решались, а тут, слышь, сама сказала, что не завтра, так послезавтра возьмет: к свадьбе, говорит, надо, чтоб поспело; мясоеду немного остается. А давеча и сама кухарка говорила, что к завтраму кулебяку пекут: слышь, утром помолвка... Да что греха таить! приходил какой-то барин с крестом, спрашивал: и как вы живете и всё этакое...

Дворник поклонился и опять стал улыбаться.

- Чай, квартирку-то другую возьмете? - примолвил он. - У нас скоро очистится вон там; выгоняем жильца: в срок не платит; славно бы...

- Стой! стой! - закричал Иван Савич и, взяв дворника за плечи, оборотил спиной и вытолкнул вон.

Потом обратился к Авдею:

- А! что ты скажешь, Авдей?

- Не могу знать!

- Только и слышишь от тебя: не могу знать! Сделай милость, моги хоть раз: ну?

- Не могу... - начал Авдей.

Иван Савич и его, точно так же как дворника, вытолкнул вон. Он долго ходил по комнатам взад и вперед и по временам к чему-то прислушивался.

- Да, да, точно, - ворчал он, - наверху скребут пол, чистят - так! дворник не соврал! Да и вон кухарка пронесла огромную чашку муки, множество яиц: кулебяка будет! Вон и сама Прасковья Михайловна; о коварная змея! с девкой идет. Девка несет кулек: оттуда торчит телячья нога, зелень. Сама несет узел с чем-то... провизии множество... Кому это всё съесть? Ясно, что пир будет. А! так вот она что затевает! Она ошиблась... она думала, что я сделал ей предложение... жениться! То-то она и отложила до послезавтра. Какова! о змея, змея! на-ка поди, что выдумала!

Иван Савич терялся в этих мыслях и час от часу всё более тревожился.

- Что делать? как быть? как же объяснить ей? Ох, неловко: Господи, помоги!

Он бил себя кулаком по лбу, метался во все углы, как бы отвратить бурю. Он уже принял два содовых порошка - не помогло! выпил две

рюмки мараскину - легче стало. Выпил еще рюмку - и вдруг лицо его прояснело.

- Авдей! Авдей! - закричал он, - поди, поди сюда... Знаешь что?

- Не могу знать!

- Фу-ты, Боже мой! да как ты не догадался, что надо делать? неужели не догадываешься?

- Не могу... - начал Авдей.

Иван Савич махнул рукой.

- Слушай! - сказал он. - Так отказаться неловко. Понимаешь? Пойти да объяснить, что я, дескать, не о женитьбе говорил, а так только... не годится. Спросят, что же я предлагал? как я скажу? Выйдет история... И тут она захныкала, что я опозорил ее: поцеловал руку. Великая важность! Так мы, знаешь что? неужели не догадался?

- Не могу знать!

- Мы съедем на другую квартиру.

Авдей встрепнулся.

- Помилуйте, - начал он, - Господи, Создатель! этакую квартиру оставлять! удобство всякое: и сарай особый, и ледничек от хозяина дают. Воля ваша: пожалуйста мне расчет...

- А! тебе хочется, чтоб я в историю попал!

лень постараться вывезти из беды!

- Помилуйте...

- Нет тебе денег, пока не отыщешь квартиры.

- Да где ее найдешь?

- Где хочешь. Видишь, житья нет: притесняют. Ищи! завтра же утром чтоб нас не было здесь. И подальше, в другой конец, в Коломну.

- Да хоть денька три подождите.

- Денька три! чтоб нас насильно женили! Слышишь, мех покупают, кулебяку пекут, долбня ты этакая! Съедем, пока не куплен мех, а купят, тогда не отвяжемся... Да стой: мне Бурмин говорил, что у них в доме есть квартира; сходи сейчас же, и, если не занята, завтра же утром и переезжать.

- Знаю, сударь, я эту квартиру: ледника-то нет...

Иван Савич махнул рукой и пошел прочь.

Утром Авдей доложил, что та квартира не занята. Иван Савич опять велел ему переезжать, а сам уехал, сказавши, что он будет к вечеру прямо на новую квартиру. На крыльце он столкнулся с крестным папенькой. Крестный был в белом галстухе, в белом жилете...

Он остановил Ивана Савича.

- Крестница сообщила мне радостное известие о вашем предложении и просила моего посредства, - сказал он. - Сегодня она повестила родных: вас ожидают. Священник благословит. Я искренно рад: по собрании ближайших сведений о вас, они оказываются удовлетворительными, и я, не находя никакого с своей стороны препятствия, честь имею... поздравить... а она... будет послушной женой. Отец ей не оставил богатства, но дал, что называется, фундаментальное воспитание и внушил правила...

- Извините... - сказал Иван Савич.

- Ась?

- Извините... я спешу...

- Известное дело: случай такой. Много хлопот... Мое почтение.

Иван Савич бежал без оглядки.

Опять Авдей нагрузил три воза и нагрузился сам вещами своего барина и побрел с лестницы. Вверху думали, что Иван Савич затевает перемену мебели в своей квартире, по случаю предстоящей свадьбы, и были покойны. Но когда Авдей понес с лестницы часы, под-

свечники и прочее, там стали подозревать что-то недоброе.

Крестный папенька Прасковьи Михайловны, сестра ее и все остальные гурьбой вышли на лестницу и окружили Авдея.

- Где же барин? - спрашивали они.

- Не могу знать! - отвечал Авдей.

- Скоро ли он воротится?

- Не могу знать!

- Будет ли к нам?

- Не могу знать!

- Будет ли на помолвку?

- Не могу знать!

- Женится ли он? слышно ли? говорил ли кому-нибудь?

- Не могу знать!

- Не для свадьбы ли он нанял новую квартиру?

- Не могу знать! не могу знать! не могу знать! - закричал Авдей, вырвался из круга вопрошателей и опрометью бросился со двора, отдав дворнику ключ.

Все остались на лестнице с разинутыми ртами, глядя ему вслед.

- Что же это такое? - сказала Прасковья Ми-

хайловна.

Когда дворник рассказал, как Иван Савич принял его поздравление, Прасковья Михайловна упала в обморок.

- Что теперь скажут про меня? - промолвила она, очнувшись. - Крестный, заступитесь за меня: я умру.

- А вот мы отношением обратимся к его начальству, - сказал негодующий крестный. - Да нет, - прибавил он потом горестно, - вывернутся, ей-богу, вывернутся: опять такую же бумагу напишут с крючком. Есть же там этакой! Он докажет про Ивана Савича, что такого лица и на свете нет. Это ему плевое дело. Ах, как пишет! Что же, батюшка! милости просим: не пропадать же кулебяке!

И они сели за стол.

1 "Герцогиня Шатору" (фр.)

2 - Граф сказал сейчас что-то смешное? не правда ли? (фр.)

3 тысячу извинений (фр.)

4 - Что он говорит? (фр.)

5 - Но здесь нет фортепьяно (фр.)

6 припев (фр.)

7 - Это мило (фр.)

8 ах! этот граф! (фр.)

9 - Что значит (фр.)

10 высший свет (фр.)